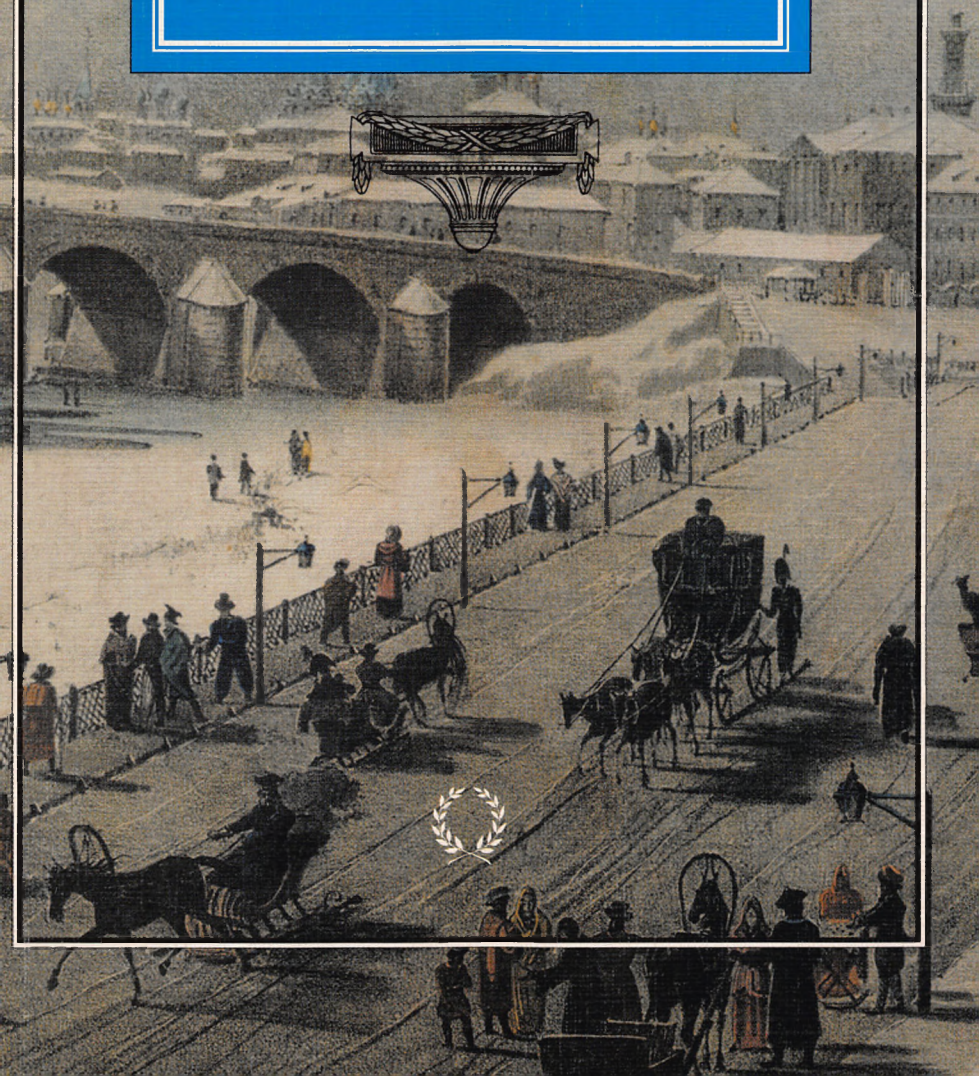
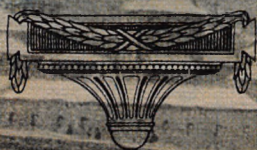

МУЗЕЙ
Квартира
А. С. Пушкина
на Арбате

МУЗЕЙ

Квартира

А.С.Пушкина

на Арбате

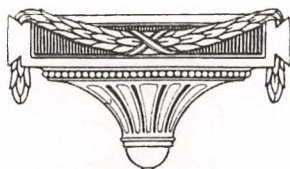

С.Овчинникова, Ф.Рысина, Г.Светлова

МУЗЕЙ
Квартира
А.С.Пушкина
на Арбате

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПОДКОВА»

Москва 1999

Каменный мост. 1825 год. Фрагмент

Раскрашенная литография А. Жоли
с оригинала О. Кадоля

Старые москвичи с давнего времени знают этот дом в конце Арбата, недалеко от Смоленской площади. Маленький, неказистый, зажатый между многоэтажными постройками начала XX века, он много лет вызывал смешанные чувства смутной жалости — и «пиитического восторга»: ведь на его фасаде была установлена мраморная доска с бронзовым барельефом: знакомый «арабский» профиль и лавровая ветвь. Врываясь в будничную городскую суету, этот высокий символ останавливал, притягивал, пробуждал фантазию: где-то здесь, на втором этаже, за этими окошками, в далеком 1831 году жил Пушкин... На примелькавшемся арбатском строении лежал отблеск поэзии и тайны...

Москва — родина Пушкина. Здесь он прожил первые двенадцать лет. Город своего детства поэт запомнил навсегда. Он восхищался Петербургом, воспевал его «строгий, стройный вид». Он был привязан к Михайловскому. Ему хорошо работалось в пустынном Болдине. Его пленяла романтическая полуденная красота Крыма и Кавказа. И все-таки первой, самой глубокой и нежной, сыновней, детской любовью он любил именно Москву. Он мог ее ругать, сердиться на лень и «татарское убожество» московских обывателей. Но и гневаясь, и раздражаясь, Пушкин не мог жить без Москвы, гордился ею, постоянно писал о ней. В

пятнадцатилетней разлуке, среди мелькающих впечатлений, с острой ностальгической тоской он вспомнил шумную и забавную пестроту нестройных московских улиц, улочек, переулков, дворцы и деревянные сарайчики, воздух Москвы — воздух детства.

Нигде и никогда Пушкин не был так восторженно принят обществом, как в Москве в 1826 году, после возвращения из Михайловской ссылки. С этого времени поэт бывал в «отставной» столице почти ежегодно, а иногда и по два-три раза в году. Москва подарила Пушкину невесту, жену, семью. В Москве он венчался. Первые светлые семейные месяцы он прожил «во втором ярусе большого дома на Арбате, между церквами Николы в Плотниках и Св. Троицы» (П.И. Бартев).

В столице сохранилось множество особняков, дворцов, театров, где Пушкин бывал, где гостил у друзей или танцевал на балах. Но квартира, которую он нанимал для себя, где чувствовал себя дома — одна: это арбатская квартира. Дом, где родился поэт, не сохранился. И тем драгоценнее для нас этот двухэтажный особняк на Арбате.

Пушкин занимал арбатскую квартиру совсем недолго, всего несколько месяцев зимой и весной 1831 года. Но этот «звездный час» в жизни строения, вполне традиционного в архитектурном отношении, обесмертил старый дом. Магия сознания: здесь жил Пушкин; все-сильное обаяние мемориальности привлекли к скромному арбатскому особняку сердца и внимание людей. Теперь нам интересно знать о нем все: когда и для кого он был выстроен; кто были его владельцы и жильцы, как с течением лет он менял свой облик, перестраивался; как был восстановлен в прежнем своем, ампирном, «пушкинском» виде и начал новую жизнь.

В истории дома существовали и другие примечательные страницы, связанные с русской культурой. В

Александр Сергеевич Пушкин. 1830-е годы

Акварель П. Ф. Соколова

разные годы здесь бывали П.И. Чайковский, В.В. Маяковский, В.Э. Мейерхольд, известные пушкинисты М.А. Цявловский, С.М. Бонди.

Двухсотлетняя история и современная жизнь дома № 53 по улице Арбат и составляет содержание этой книги.

«Дом, состоящий в Пречистенской части... под № 204-м в приходе Троицы на Арбате»

Самые ранние сведения об участке, где сейчас находится дом, относятся к 1752 году. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) хранится документ, в котором изложена просьба владельца участка, секретаря Мануфактур-коллегии С. Ф. Неронова: «Желаю я построить в приходе церкви у Живоначальной Троицы хоромное строение». На этом листе выполнен план владения Неронова, «сочиненный от архитектора Василья Обухова»: квадратики, изображающие светлицу, избу, кухни, конюшни. Все строения пока еще деревянные.

Следующий документ — «Дело по челобитью коллежского советника Сергея Федоровича Неронова» — датирован 1777 годом. К нему приложен план, на котором вместо деревянной светлицы изображены уже каменные палаты в один этаж (возведенные, следовательно, между 1752 и 1777 годами), над которыми Неронов желает «надстроить каменный другой этаж и пристроить каменные в два этажа палаты».

Таким образом, датой начала строительства существующего ныне здания можно считать именно 1777 год. Застройка усадьбы Неронова осуществлялась «под присмотром» архитектора Карина.

В 1806 году во владение домом вступил новый хозяин — коллежский ассессор Никанор Семенович Хитрово. В этом же году был сделан хранящийся сейчас в Историко-архитектурном архиве «Геометрический план дому, состоящему в Пречистенской части 2-го

Вид из дома нашего на улицу Арбат.

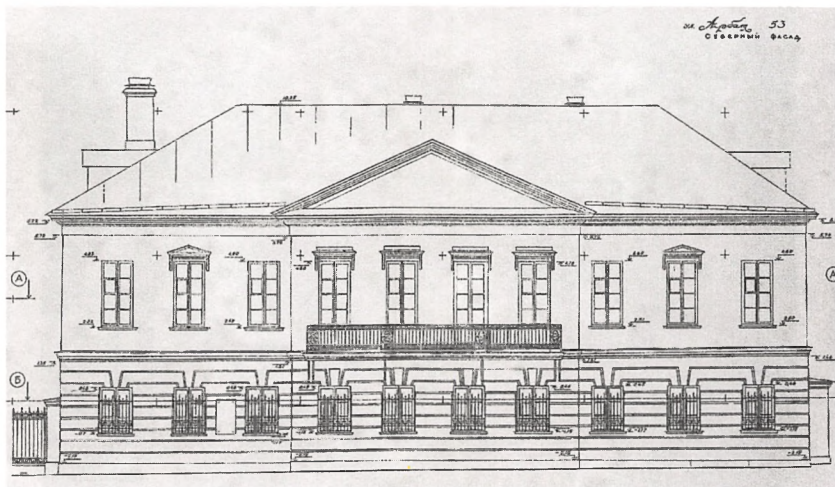
1830—1840-е годы
Акварель В. Н. Нечаева

кварталу под № 170 <...> Измерен в натуре и сочинен в Комитете, учрежденном для уравниения городских повинностей <...> сего 1806-го года августа...» На плане обозначен двухэтажный каменный корпус почти в тех же размерах, в каких он существует и сейчас (протяженность главного фасада — 121/3 сажени). Он поставлен по красной линии Арбата. Помимо главного дома на участке расположен одноэтажный каменный жилой флигель, торцом выходящий также на улицу. В глубине двора, вдоль границ владения, показан еще один жилой флигель — деревянный — и службы.

После смерти Н.С. Хитрово в 1810 году арбатская усадьба перешла во владение его сыну Никанору Никаноровичу Хитрово.

Пожар 1812 года не пощадил Арбат. Почти все его дома сильно пострадали и отстраивались в 1813—1816

Фасад дома Хитрово
Современное состояние

Архитектурные обмеры

годах. Не избежал общей участи и дом Хитрово. Он не назван в списке уцелевших домов Пречистенской части. К сожалению, в московских архивах не обнаружены документы, рассказывающие о перестройке или ремонте здания после пожара. По данным вышедшей в 1937 году книги «Пушкинская Москва» (ее составители — знатоки старой Москвы Н.Р. Левинсон, П.И. Миллер, Н.П. Чулков), «в 1815 году были исправлены каменный флигель и главный каменный двухэтажный дом».

Следующий по времени план, также хранящийся в Историко-архитектурном архиве, датируется 1836 годом. Он сделан всего через пять лет после того, как в доме занимал квартиру Пушкин. Поэтому при реставрации здания архитекторы руководствовались прежде всего именно этим планом.

Границы и площадь владений Хитрово в 1836 году остались те же, что в 1806. Во дворе появились новые

служебные строения. Флигель, выходящий торцом на улицу, превратился в красиво отделанное двухэтажное строение с нижним каменным и верхним деревянным этажом. Очень вероятно, что изображенный на плане нарядный торцевой фасад этого флигеля имел сходство с фасадом главного дома: ведь оба они выходили на Арбат. Это сходство также было учтено реставраторами. Примыкающая к флигелю деревянная пристройка на плане обозначена как кухня, что доказывает отсутствие ее в доме (и, в частности, в квартире Пушкина).

Главный дом изменился очень мало. Только со стороны двора возникла двухэтажная пристройка. Можно предположить, что ее второй (деревянный) этаж появился при восстановлении дома после пожара 1812 года.

Основной источник наших сведений о хозяевах дома в пушкинское время — «Родословная книга рода Хитрово», изданная в Петербурге в 1866 году. В рукописном отделе Российской государственной библиотеки хранится экземпляр этой книги со множеством карандашных пометок на полях. Эти дополнения сделаны составителем «Родословной» — Василием Николаевичем Хитрово.

Хитрово — древний род, корнями уходящий в глубь веков. В «Родословной книге» читаем: «В последней половине XIV столетия выехали из Большой Орды к Великому Князю Рязанскому Олегу Иоанновичу два родных брата: Еду-хан сильно Хитр, родоначальник рода Хитрово, и Салахмир <...> Еду-хан сильно Хитр, во св. Крещении Андрей Мирославич, был убит татарами в сражении».

В начале XIX века многочисленные потомки легендарного пращура были разбросаны по всей России: они жили и в Петербурге, и в Москве, в Туле, Курске, Калуге, а также в своих родовых поместьях. О Ника-

норе Семеновиче Хитрово, купившем арбатский дом в 1806 году, известно чрезвычайно мало. Знаем мы лишь годы его жизни (1748—1810) и то, что был он дважды женат. Вторая жена, Анна Захаровна Нелединская, после его смерти много лет жила вместе с семейством сына, Никанора Никаноровича, владевшего домом с 1810 по 1855 год.

Никанор Никанорович Хитрово родился 27 апреля 1791 года. Воспитывался под руководством своей матери. «Юнкером Лейб-гвардейского Преображенского полка участвовал пятнадцати лет отроду в Аустерлицком сражении». В 1808 году он поступил на службу в Московскую Кремлевскую экспедицию. Во время кампании 1812 года пошел в ополчение и был адъютантом при генерале Н.А. Лопухине, «на дочери которого Екатерине Николаевне, известной по своей замечательной красоте, женился, выйдя после 1812 года в отставку. Затем поселился он в своем Карачевском имении и исправлял, пользуясь всеобщеею любовью и уважением, должность карачевского предводителя дворянства и почетного смотрителя училищ того же уезда». В последней должности Никанор Никанорович прослужил 25 лет. В Карачеве он выстроил дом для уездного училища и пожертвовал туда библиотеку. Умер он 27 января 1855 года в чине коллежского асессора и похоронен в родовом своем имении Архангельское, Дроново тож, Карачевского уезда Орловской губернии. Жена его скончалась вскоре после него — в 1858 году (родилась в 1797 году).

У Никанора Никаноровича Хитрово было четыре сестры (Мария, Дарья, Анна и Прасковья) и брат Семен (названный, по-видимому, в честь деда), пропавший без вести после Аустерлицкой битвы 20 ноября 1805 года. Только 50 лет спустя близкие узнали о его судьбе. Раненый был он взят в плен и через несколько дней умер. Было ему тогда — 14 лет!

Екатерина Николаевна Хитрово. 1832 год

Акварель неизвестного художника

В московском пушкинском музее хранится любопытный документ: «Памятная книга» — своеобразный дневник, который Е. Н. Хитрово вела много лет, начиная со своего замужества по 1850-е годы. Со старинной патриархальной обстоятельностью заносила Екатерина Николаевна в «Памятную книгу» все важнейшие домашние события, начиная с венчания с Никанором Никаноровичем 8 января 1816 года «в церкви Св. Троицы, что на Арбате, в приходе собственного дома» Н. Н. Хитрово. Горести и радости, смерти и праздники, болезни, свадьбы, крестины, именины, концерты, фейерверки, дворянские выборы — вся жизнь семьи Хитрово, отразившая, как в капле воды, частный дворянский быт начала прошлого столетия,

*Москва. Вид на Воспитательный дом и Кремль
от Устьинского моста. 1818 год*

М. Н. Воробьев. Холст, масло

встает перед нами со страниц этой старой рукописной тетради. Екатерина Николаевна подробно рассказывает о рождении своих детей. Мы узнаем, что многие из них умерли в малолетстве. Выросли три дочери — Софья, Екатерина и Дарья и два сына — Константин и Федор.

Большинство записей сделано в Дронове, где в основном протекала жизнь семьи. В Москву Хитрово наезжали не часто. Эти приезды, составлявшие события в их повседневном быту, отмечаются в дневнике неукоснительно. По-видимому, обычно приезды приурочивались ко времени родов Екатерины Николаевны. Например, «Памятная книга» свидетельствует, что Хитрово приезжали в Москву в феврале 1819 года (в это время у них родилась дочь Софья), в апреле 1829 года (родился сын Семен), в феврале 1825 года (родилась дочь Надежда). В июле 1826 года они при-

существовали на коронации Николая I. Бывали они в Москве и в 1830-х годах, причем нередко останавливались во флигеле. Видимо, главный дом Хитрово по большей части сдавали внаем; так что Пушкин был отнюдь не единственным их жильцом.

Кроме Москвы семья выезжала в Орел и Петербург. В 1827 году Хитрово путешествовали по Кавказу. Кстати, любопытно, что во время этой поездки они останавливались в Пятигорске в одном доме со знаменитой московской барыней, хорошей знакомой Пушкина — Марьей Ивановной Римской-Корсаковой. (Приключения семьи Корсаковых на Кавказе в 1827 году Пушкин предполагал описать в оставшемся незавершенным «Романе на Кавказских водах»).

Зимой 1831 года супругов Хитрово в Москве не было. Об этом свидетельствует запись Екатерины Николаевны о рождении дочери: «Родилась Катерина Никаноровна Хитрово в Орле, в тот год, когда холера была в Москве и город был заперт по сему случаю. Мы провели зиму в Орле».

А вот другая ее запись о 1831 годе: «Была холера в Москве, где оставалась сестра Надежда Николаевна Сафонова с мужем и с тетушкой, но слава Богу остались невредимы». Эта фраза проливает свет на одно непонятное нам ранее место в сохранившихся условиях найма Пушкиным дома Хитрово. Дело в том, что в нем упоминается некая госпожа Сафонова, со служителем которой Пушкин заключил условия. Теперь можно предположить, что Хитрово поручили оставшейся в Москве ближайшей своей родственнице вести дела по сдаче арбатского особняка внаем. Надежда Николаевна в маклерские подробности не входила и передала все дела своему доверенному. И тем не менее несомненно, что в переговорах с Пушкиным она участвовала.

Следует, истины ради, констатировать, что в «Памятной книге» о Пушкине нет никаких упоминаний. Очень может быть, что в это время Хитрово и не знали, что в их московском доме поселился прославленный сочинитель.

Когда развернулись работы по созданию арбатского музея, у части московских краеведов появилась неуверенность: действительно ли Пушкин жил именно в этом доме? Ведь Хитрово в Москве было много. В частности, совсем неподалеку от Арбата, на Пречистенке (следовательно, в той же самой Пречистенской части, в которую входил нынешний дом № 53) жила известная всей Москве гостеприимная и хлебосольная Анастасия Николаевна Хитрово, урожденная Каквинская (отдаленная родственница Никанора Никаноровича). Так, может быть, именно у нее снимал квартиру поэт?

На все эти сомнения можно было многое возразить. Самое главное: ведь Пушкин и все его современники в один голос называют местоположение дома: на Арбате, «между церквами Николы в Плотниках (она находилась на углу Арбата и Плотникова переулка) и Св. Троицы» (была расположена ближе к Смоленской площади, где теперь высотное здание). Первый биограф Пушкина П.И. Бартенев, со слов друга поэта П.В. Нащокина, указывает пушкинский адрес еще точнее: «против домов Головиных». По архивным документам известно, что два дома, сохранившиеся до наших дней (сейчас они оба имеют один номер — 48) и расположенные почти напротив дома № 53 (чуть наискосок), действительно в XIX веке принадлежали генеральше Головиной.

Тем не менее очень хотелось найти какой-нибудь документ, который подтвердил бы, что называется, математически факт найма Пушкиным именно дома Н.Н. Хитрово.

Надежда Николаевна Сафонова. 1830-е годы

Акварель неизвестного художника

В 1979 году такое подтверждение было найдено. Московский исследователь С.К. Ромانيук, работая в Центральном государственном историческом архиве города Москвы, обнаружил в «Маклерской книге Пречистенской части маклера Анисима Хлебникова, 1831 года» следующую запись: «1831-го Года Генваря 23-го дня я ниже подписавшийся Г-н Десятого класса Александр Сергеев сын Пушкин, заключил сие условие с служителем Г-жи Сафоновой Семеном Петровым сыном Семеновым по данной Ему Довренности от Г-на Губернского Секретаря Никанора Никанорова сына Хитрово в том, что, I-е нанял я Пушкин Собственный Г-на Хитрово Дом, Состоящий в Пречистенской части второго квартала под № 204-м в приходе Троицы что на Арбате, каменный

Двух этажный с антресолями и к оному принадлежащими людскими службами, кухнею, прачешной, конюшней, каретным сараем, под домом подвал, и там же запасной амбар, в доме с мебелью по прилагаемой описи сроком от выше писанного числа впредь на шесть месяцев, а срок считать с 22-го Генваря и по 22-е ж Июля сего Года по Договору между нами за Две тысячи рублей государственными ассигнациями, из коей суммы при заключении сего условия должен я Пушкин, внести Ему Семенову половинную часть то есть тысячу рублей ассиг., а последнюю половину по истечении трех месяцев от заключения условия <...> 3-е Если же чего Боже сохрани нанимаемый мною Пушкиным Дом от небрежения моего или людей моих сгорит то по общему нашему Договору заплатить мне Г-ну Пушкину ему Семенову пятьдесят тысяч рублей государственными ассигнациями <...> 4-е по истечении срока и выезде из дому должен я Пушкин сдать оный по описи в совершенной исправности. Буде чего не явится или будет разбито, или изломано или замарано то за поврежденное заплатить то чего будет стоить или привести в исправность как принято Было <...> 6-е в строениях занимаемых мною Пушкиным выключаются комнаты нижнего этажа дома для жительства Економки и приезде Г-на Хитрово...»

Итак, 23 января 1831 года Пушкин нанимает квартиру во втором этаже дома Хитрово. 18 февраля, после свадьбы, он привозит сюда молодую жену. Здесь Пушкины живут почти три месяца — до 16 мая.

Что же представлял из себя Арбат в те далекие годы? Как выглядела улица в пушкинское время? Кто были соседи поэта? Какая жизнь кипела вокруг? Обо всем этом могут рассказать путеводители, газеты, журналы 1820—1830-х годов.

Музей-квартира А. С. Пушкина на Арбате

Современный вид

Из напечатанного в 1824 году «Путеводителя в Москве, изданного Сергеем Глинкою» узнаем, что Арбат был расположен в двух частях Москвы – Пречистенской и Арбатской. Левая его сторона относилась к Пречистенской части. В нее входили еще две большие улицы – Пречистенка и Стоженка (так называлась Остоженка) и множество окрестных переулков. Арбатская часть включала в себя правую сторону Арбата, а также Поварскую, Большую и Малую Никитские, Спиридоновскую, значительный отрезок Тверской.

В Пречистенской и Арбатской частях было три рынка, 216 каменных и 719 деревянных домов, 11 прудов, 11 огородов, 38 садов, 10 оранжерей. Улицы освещались 655 фонарями; 40 будочников в полосатых будках охраняли спокойствие 28 384 жителей, которые в случае надобности могли посетить две об-

щие торговые бани. На Арбате находилось здание Императорского человеколюбивого общества (членом его некогда был дядя Пушкина Василий Львович), дом Народной школы и великое множество церквей.

В конце XVIII века Арбат был аристократическим дворянским районом первопрестольной столицы. «Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные...» — писал Пушкин. К 1830-м годам все переменилось. «Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым». «Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством». Это наблюдение Пушкина подтверждается объявлениями о продаже дворянских домов на Арбате — их часто печатала газета «Московские ведомости»: «Продается и в наймы отдается на Арбате, близ церкви Николая Явленного, деревянный дом г-жи Лаптевой, железом крытый, внутри оштукатуренный и расписанный, с мебелью и со всеми к оному принадлежностями и от огня застрахованный. О цене узнать в оном доме от самого хозяина».

«Продается покойной княгини Настасьи Ивановны Несвицкой каменный двухэтажный большой дом с тремя каменными и двумя деревянными двухэтажными флигелями, красного дерева мебелью, зеркалами и садом за сходную цену, оной же дом и в наймы отдается со всею принадлежностью близ Смоленского рышка Пречистенской части под № 225 в приходе Троицы на Арбате.»

«Продается деревянный дом о двух жильях с мезонином, о 13 комнатах, на каменном фундаменте <...> кухня, конюшни, каретный сарай, подвал, погреб, прачешная, все каменное за сходную цену.»

Соседи Пушкина по Арбату — большей частью купцы. В доме № 1* жила купчиха Травникова, дом № 3 занимала купеческая жена Большая, в доме № 7 расположилось семейство купца Кузьмы Сабуровского, дом № 55 принадлежал купцам Дубровиным, дом № 59 значился за купеческой вдовой Свешниковой. Лишь немногие арбатские дома по-прежнему принадлежали дворянам: дом № 37 — графу В.А. Бобринскому, дом № 24 — сенатору Л.А. Яковлеву, дом № 44 — А.А. Кикину, в доме № 20 у прапорщика Н.П. Киреевского снимал квартиру А.Я. Булгаков, знакомый Пушкина. Булгаков не раз бывал в арбатской квартире поэта. После бала у Пушкина 27 февраля 1831 года он пишет брату: «Мы уехали почти в три часа. Куда рад я был, что это близехонько от нас, что можно было отослать карету домой часов на шесть».

Рядом с Арбатом, в соседних улицах и переулках, в начале 1830-х годов жило еще много знакомых Пушкина, у которых он нередко бывал: на Пречистенке — И.А. Нарышкин, посаженный отец Н.Н. Гончаровой, семейство Потемкиных (Е.П. Потемкина была посаженной матерью Пушкина). На Сивцевом Вражке имел собственный дом знаменитый Ф.И. Толстой — «Американец». На Поварской в доме графа Ф.М. Шереметева нанимал квартиру С.Д. Киселев. На Спиридоновке, близ Тверского бульвара и Патриарших прудов, жил И.И. Дмитриев. В маклерских книгах Арбатской и Пречистенской части за 1830—1831 годы можно встретить немало имен, знакомых Пушкину. Здесь и московская родня поэта — Е.Л. и М.М. Сонцовы, и его лицейский товарищ А.П. Бакунин, и актриса М.Д. Львова-Синецкая, и П.М. Азанчевский — библиотекарь Московского архива

* Приводится современная нумерация. Большинство этих зданий в настоящее время не сохранилось или значительно перестроено.

Жилой квартал в районе Арбата

Аксонометрия. Реконструкция М. В. Нащокиной. 1976 год

Министерства иностранных дел, на свадьбе Пушкина — «поручитель» за невесту. Но, пожалуй, самым приятным соседом для Пушкина стал П. В. Нащокин, который 18 марта 1831 года поселился вблизи Арбата в Николопесковском переулке, в доме М. Я. Годовиковой.

С районом Арбата-Пречистенки связаны славные имена поэта Дениса Давыдова, великой трагической актрисы Екатерины Семеновой, романиста М. Н. Загоскина, декабристов К. Ф. Рыльева, В. И. Штейнгеля, Ф. Н. Свистунова и многих, многих других.

Листая старые московские путеводители, мы погружаемся в быт пушкинского Арбата. Интересен «Новейший и любопытнейший указатель Москвы или Альманах для приезжающих в сию столицу и для самих жителей оной», изданный в 1829 году. «Жители и приезжающие» могли почерпнуть из этого издания чрезвычайно полезные и обстоятельные сведения о том, что находится на Арбате. Например, они с интересом узнавали, что здесь «в собственном доме» живет оружейник Тон, а в приходе Николы Явленного в доме дьякона — переплетчик Петров; что в доме купца Астафьева помещается «магазин бриллиантовых вещей» Зильбермана.

Эти сведения дополняют объявления, печатавшиеся в газете «Московские ведомости». Из них мы узнаем, что в пушкинское время Арбат оживляла бойкая торговля самыми разнообразными товарами:

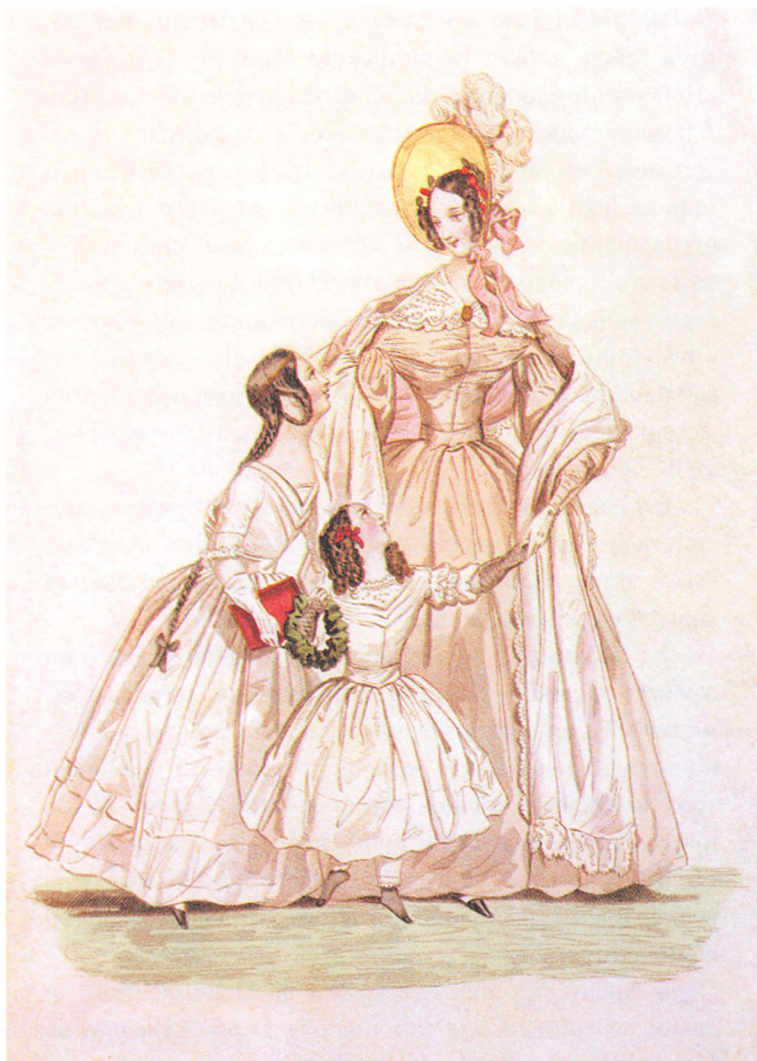
«У хлебника Федора Хенслера, квартирующего на Арбате, в приходе Николы Явленного на Песках, в доме г-на Толмачева, можно ежедневно получать сладко-кислый пеклеванный хлеб, который не довольно того, когда бывает свеж, имеет приятный вкус, но и в продолжение недели ни одного вкуса, ни свежести не теряет, у него же Хенслера также можно получать во всякое время треску или штокфим на шведский манер вымоченную».

«У Арбатских ворот, в доме г-на Подчиненного, в лавке турецких и прочих товаров Бориса Васильева Морозова продаются табаки, духи, мыло, вакса, перчатки, воротнички, помада. Отпускается за печатным ярлыком лавки и имени».

«Продаются скатерти, салфетки и лампа нового фасона на Арбате, в приходе Николы на Песках в доме № 102».

«На Арбате в приходе Спаса на Песках, в доме купца Королева у квартирующего рисовального учителя

Парижские моды. 1730-е годы

коллежского регистратора Льва Волкова продаются картины и эстампы лучших мастеров: Натчера, Басано, Рембрандта, Жердано и других известных мастеров, копии с хороших картин за сходную цену».

И здесь же предлагаются «привезенные с завода лучшей и известной породы молодые жеребцы и кобылы, способные к заводу и под верх».

А вот объявление особенно для нас интересное: «Продаются 6 лошадей вороных, хорошо выезженных, от 4 до 6 лет; спросить на Арбате в доме Хитрово, у служителя Степана Васильева».

Пушкин, как и другие москвичи, мог приобрести на Арбате «четвероместные дрожки, мало езженные», посмотреть «хорошую большую медвежью шубу за 300 руб.», «шкатулку живописную из белого железа, лучшей работы», «фортепяны с рояльной техникой», попробовать в лавке купца Троилина на Смоленском рынке «сок, миндаль, чернослив, масло, чай, кофе, сельди», зайти в цирюльню Вильгельма Кирибеха, который «через свое искусство и старание надеется заслужить всеобщее одобрение».

Читая эти объявления, мы невольно становимся москвичами-современниками Пушкина, которым огнюдь не безразлично то, чем богат и знаменит Арбат.

Но вернемся к дому Хитрово. В 1858 году умерла Екатерина Николаевна. На следующий год дом купил купец Павел Иванович Борегар. А в начале 1870-х годов усадьба перешла к другому купцу — Илье Васильевичу Патрикееву. Новый владелец сразу же стал приспособлять первый этаж под магазины. Для этого оконные проемы на фасаде были переделаны в двери (ранее входы в дом существовали только со стороны двора). Тогда же комнаты второго этажа были отделаны с поистине купеческой роскошью. К счастью, планировка пушкинской квартиры осталась неизменной.

В 1878 году Патрикеев временно предоставил свой дом для детского приюта. В связи с этим нежилой подвал был приспособлен под кухню. В том же году Патрикеев подал в Московскую городскую управу проект двухэтажного каменного жилого здания (архитектор К.Ф. Буасе). К 1880 году строительство его было закончено. Дом этот в глубине двора стоит и сейчас.

Патрикеевы владели арбатской усадьбой много лет. Второй этаж главного дома они — как когда-то Хитрово — часто отдавали внаем. С осени 1884 года по май 1885 года пушкинскую квартиру снимал брат композитора П.И. Чайковского Анатолий Ильич Чайковский с женой Прасковьей Владимировной. Петр Ильич, наезжая в Москву из села Майданово Клинского уезда, где он снимал дачу, был частым гостем арбатского дома. Упоминания об этом постоянно встречаются в его письмах:

2 января, Москва, М.И. Чайковскому: «Новый год встречал я у Толи при большом обществе».

25 февраля, Майданово, М.И. Чайковскому: «Только что возвратился из Москвы, где провел четверо суток не особенно неприятно... Довольно много сидел дома, т.е. у Толи».

26 апреля, Майданово, Л.В. Давыдову: «Вчера у Толи я праздновал свое 45-летие».

28 апреля, Майданово, Н.Ф. фон Мекк: «... Начиная с 10-го числа <мая> буду почти безвыездно в Москве... Адрес брата: Арбат, близ Денежного переулкa, дом Патрикеева».

18 ноября, Майданово, П.В. Чайковской: «Проезжая по Арбату и видя освещенные окна вашей прошлогодней квартиры, я ощущал стеснение в груди и боль в сердце».

Это чудесное совпадение, это соприкосновение — в разном времени, но в одном месте — двух русских гениев воспринимается сейчас как символ.

Вид на Большой театр. 1825 год

Литография О. Кадоля

С 1904 года домом владел Павел Петрович Патрикеев, купец-красноярдец, имевший лавку в верхних торговых рядах.

Во флигеле дома размещался частный пансион для дворянских детей, который содержали банковский служащий Дмитрий Александрович Смирнов и его жена Софья Карловна. Один из воспитанников пансиона – Борис Федорович Ралль хорошо помнил, как они говорили детям о том, что в доме этом жил Пушкин. Ралль вспоминал: «В основном дом использовался как доходный, и в нем жили жильцы как на первом этаже основного дома, так и в двухэтажном пристроенном флигеле. Флигель и основной дом имели общий фасад. Справа от фасада дома были ворота, через которые входили и въезжали во двор. Во дворе была конюшня, каретный сарай. Вход во флигель был со стороны двора. Вход в квартиру самого владельца дома П.П. Патрикеева на второй этаж был

в виде наружной железной двухмаршевой лестницы».

Последним владельцем дома был купец А.П. Ефимов. Известно, что он предполагал значительно расширить главный дом, возвести со двора большую к нему пристройку. Первая мировая война, а затем — революция не позволили ему осуществить свои планы, грозившие почти полностью изменить облик здания.

В советское время дом перешел в ведомство муниципального фонда, оба его этажа отвели под жилье. Начался новый этап в жизни старинного здания: оно превратилось в обычный московский дом с густонаселенными коммунальными квартирами.

Однако и это время жизнь арбатского особняка представляет интерес для истории нашей культуры. В 1921 году здесь, тоже на втором этаже, несколько месяцев работал Окружной Самодеятельный театр Красной Армии (ОСТКА). Этот театральный коллектив возник в 1919 году в Рязани. Осенью 1920 года он переехал в Москву. Программа театра была авангардистской, ультралевой. Им руководил театральный деятель В.Л. Жемчужный. В художественный совет ОСТКА вошли В.В. Маяковский, В.Э. Мейерхольд.

Долгое время труппа не имела ни постоянной сцены, ни постоянного жилья. «Кое-как разместившись в холодной и голодной Москве 1920 года, — читаем в статье А. Гришиной об этом коллективе («Театральная жизнь», 1987, № 4), — студийцы стали искать помещение для своего театра... Лишь в конце 1920-го года ОСТКА обосновался в доме № 53 по Арбату, где жили, играли и учились актеры, режиссеры, педагоги и все работники Первого Самодеятельного театра Красной Армии...»

Первой постановкой театра в Москве стала комедия драматурга XVIII века Я.Б. Княжнина «Сбитенщик». Спектакль, вышедший летом 1921 года, назы-

вался «Продавец сбитня» (забавное представление в 3-х действиях и в 7-ми картинах...)».

Среди актеров выделялся совсем молодой Эраст Гарин, вспоминая впоследствии: «В доме 53 по Арбату, в котором жил А. С. Пушкин после женитьбы (об этом мы тогда еще не знали), был оборудован чистый и уютный зал мест на 250. В этом зале и состоялось первое представление «Сбитенщика». <...> Вид у сцены, был очень «богатый» и торжественный. Удалось добыть несколько мешков ситцевого лоскута. Весь женский состав принялся нашивать по указаниям художников эти лоскуты на мешковину. Задник представлял собою две арки, многоцветные стены были похожи на крестьянские лоскутные одеяла, занавесы в арках занимали буквы, нашитые из лоскутов другого цвета. «Театр Петрушки» — было написано на них. Порталы украшены разноцветными листами бумаги. На порталах огромные бумажные фонари».

На одно из первых представлений «Сбитенщика» пришел В.Э. Мейерхольд, которому этот спектакль в стиле народного балагана очень понравился. Понравился ему и худой, странный, эксцентрический юноша, игравший отставного офицера Болтая. Через несколько лет Э.П. Гарин занял ведущее место в Театре Мейерхольда.

Одобрил спектакль и Маяковский. Он даже написал о нем рецензию для журнала «Вестник театра»: «...Представление смотрится с неослабевающим интересом, оно рождено на радости, радостно играется, и эта радость передается зрителю».

Кроме «Сбитенщика» театр ставил «живые газеты» — маленькие сценки на злободневные темы.

Осенью 1921 года ОСТКА расформировали. Кончалась гражданская война, шла демобилизация красноармейцев. Были демобилизованы и актеры Самодеятельного театра Красной Армии. Э.П. Гарин

вспоминал: «И вот все собрались в зрительном зале нашего театра на Арбате. В зале, к которому так привыкли, так его полюбили. Все сделано в нем своими руками. Расселись вдоль стен, как на похоронах. Прочитали приказ. Да, театр расформировывается... После прочтения приказа — пауза. У некоторых на глазах слезы <...> Сцену, на которой мы играли, стали быстро ломать, новые жильцы передельывали ее на комнаты для жилья».

Теперь весь второй, пушкинский, этаж стал именоваться коммунальной квартирой № 5. Кто же в ней поселился?

Первым ее жильцом стал Виталий Леонидович Жемчужный. После закрытия ОСТКА он продолжал жить там, где жил, будучи руководителем театра: в одной из маленьких комнатшек второго этажа. Он начал работать у Мейерхольда — играл, ставил спектакли. И сам писал пьесы, театральные статьи, рецензии. Жемчужный дружил и сотрудничал с Маяковским, с семейством Бриков (одно время О.М. Брик тоже занимал комнату в пушкинской квартире). Существуют фотографии, на которых они сняты вместе. Сохранился рисунок Маяковского, изображающий Жемчужного.

Начальник первого Красноармейского театра прожил на Арбате почти до самой Великой Отечественной войны.

А с 1921 года в квартиру въезжают М.И. Гришин и Н.С. Банкин — политработники Красной Армии, незадолго до того приехавшие в Москву с Западного (Польского) фронта. Они получили от Жилищно-земельного отдела Хамовнического совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «Разрешение № 8535» (оно сохранилось) «на право занятия квартиры № 5 по Арбату ул. д. № 53».

Н.С. Банкин в квартире почти не жил: он работал сотрудником советского Торгпредства в Германии, в Москву вернулся лишь в середине 1930-х годов, а в 1936 или 1937 году был арестован и погиб.

Михаил Иосифович Гришин, ставший историком, преподавателем, потом профессором московских вузов, прожил здесь до 1964 года. У него в гостях бывали многие замечательные деятели советской культуры, в частности — известный литературовед Н.К. Гудзий.

Дочь Михаила Иосифовича, кандидат исторических наук Анна Михайловна Гришина, жившая в доме с раннего детства до 1970 года, вспоминала:

«В феврале 1937 года, в день, когда на доме была открыта мемориальная доска, некоторые участники этой церемонии (в их числе М.А. Цявловский) поднялись в квартиру моих родителей, где мама устроила «литературный завтрак» с шампанским. Это было своеобразной данью пушкинской эпохе. В этот же день Цявловский подарил маме книгу «Пушкин в Москве».

С этого времени в дом стали приходить люди. К Пушкину. Мои родители, а потом и я, и другие жильцы* водили их по нашим комнатам (кабинет отца занимал половину центральной пушкинской гостиной; во второй половине жил его брат) и по всей квартире, показывали остатки полукруглых печей, высокие двери, лепнину на потолке, лестницу на антресоли — все, что осталось от пушкинского прошлого нашего дома.

Во время войны, летом и осенью 1941 года, когда бомбили Москву, жильцы дома несли ночное дежурство в подъездах, дворах и особенно на крыше: большими брезентовыми рукавицами хватали падавшие «зажигалки» и бросали их в ящики с песком. Мощный

---

* На втором этаже кроме квартиры Гришиных было еще несколько небольших коммунальных квартир.

взрыв потряс наш дом и весь Арбат, когда большая фугасная бомба упала на театр Вахтангова.

После войны число людей, шедших к Пушкину, все росло: одиночки, семьи, группы, а потом и целые экскурсии приходили и просили показать пушкинскую квартиру.

В 1958 году одним из ее жильцов стал мой муж, музыковед и литератор М.Г. Харлап, автор нескольких работ о творчестве Пушкина. Он был дружен с замечательным пушкинистом, профессором С.М. Бонди, который часто приходил в гости к нам, в пушкинскую квартиру.

Наша семья выехала из дома № 53 в конце 1970 года. Мы были первыми, кто с радостью смог передать ключи от наших бывших комнат не ЖЭКу, не новым жильцам, а А.З. Крейну, директору пушкинского музея на Кропоткинской: уже было ясно, что дом на Арбате вскоре станет мемориальным музеем».

«... Я в Москве с 5 декабря»

Чтобы «арбатские» месяцы 1830—1831 гг. отчетливее проступили перед нами из глубины времени, вспомним, что произошло с Пушкиным за два года до этого — в самом конце 1828 года. Он жил тогда в Москве. Однажды на балу танцмейстера Иогеля он увидел 16-летнюю необычайно красивую девочку — Наталью Гончарову. Она только недавно начала выезжать, но молва о ней уже гремела. В свете восхищались ее одухотворенной, «романтической» прелестью, называли одной из первых московских красавиц.

Очарованный поэт вскоре сделал ей предложение и получил неопределенный ответ. Но он не отступил: слишком сильна была его влюбленность; мечта о счастье с этой девочкой, такой непохожей на него, такой спокойной, мягкой, нежной, кружила ему голову.

Около двух лет продолжалась нервная, изматывающая история пушкинского сватовства. Согласие было получено лишь в апреле 1830 года. «Участь моя решена. Я женюсь... Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — боже мой — она... почти моя ... Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?» Так пишет Пушкин в незавершенном отрывке, начатом весной 1830 года, сразу после по-

Александр Сергеевич Пушкин. 1826 год

Миниатюра на кости И. Е. Вивьена

молвки. С этого времени постоянно возвращается он к мысли о возможности счастья для него, бездомного поэта с зыбким и туманным будущим.

В самом конце августа 1830 года с беспокойной душой Пушкин уезжает в Болдино для раздела имения, часть которого перед женитьбой выделил ему отец. «Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой, — пишет он своей близкой приятельнице княгине В.Ф. Вяземской. — На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь... Ах, что за проклятая штука счастье!»

И о том же — невесте: «Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиновать-ся ей, — я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить... быть может, она права, а не-

прав был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня».

И то же самое — П.А. Плетневу: «Черт меня догадал бредить о счастья, как будто я для него создан».

А потом три месяца осеннего болдинского уединения, три месяца беспокойства, тоски, ожидания счастья — и необычайного, почти невозможного для человеческих сил творческого взлета. «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал, — сообщает он Плетневу. — Вот что я привез сюда: 2 последние главы «Онегина», 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400)... Несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон Жуан». Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все... Написал я прозою 5 повестей...»

Запертый холерными карантинами, Пушкин живет в Болдине до декабря. Лишь в начале месяца ему удается прорваться через заставы и приехать в Москву, к невесте. «Милый! Я в Москве с 5 декабря», — сообщает он Плетневу. А московские жандармы оповещали начальство: «... Прибыл из города Лукоянова <близ Болдина> отставной чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин и остановился Тверской части 1-го квартала в гостинице Англия...».

Так начался этот пятимесячный период московской жизни Пушкина: 5 декабря 1830—15 мая 1831 года — тревожное, нервное и все-таки счастливое время. Переломное время, в которое вместились тоскливые мрачные мгновения и наивысшее для Пушкина ощущение счастья. Калейдоскоп чувств, размышлений, событий, от самых важных до мелочей, от венчания 18 февраля, от авторского восторга по поводу выхода в свет «Бориса Годунова» до растерянности от сознания того, что вышли все деньги, — вот что такое эти пять с

Наталья Ивановна Гончарова

Конец 1820-х годов

Акварель неизвестного художника

половиной месяцев. Встречи, знакомства, дружеские пирушки, масленичные катания, визиты, родственные обеды... И вереница людей: литераторы, актеры, журналисты, карточные игроки, жандармы, светские знакомые, поручители на свадьбе, чиновники Опекунского совета. Благовоспитанные, утомительные и необходимые беседы с «московскими тетками» — так называл Пушкин родню невесты; веселый и язвительный «треп» с князем П.А. Вяземским; вдохновляющие, будоражащие ум исторические и политические споры с М.П. Погодиным; настороженные любезные переговоры с журнальным противником Н.А. Полевым.

Первые недели Пушкин жил в гостинице. Но в феврале 1831 года в его письмах появляется новый адрес: «Пиши мне на Арбат в дом Хитровой». «Mon adresse: дом Хитровой на Арбате». «Книги Белизара я получил и благодарен. Прикажи ему переслать мне еще Crable, Wordsworth, Southey и Schakespeare в дом Хитровой на Арбате».

Пушкин нанял квартиру в особняке Хитрово 23 января 1831 года, но присмотрел ее и начал вести переговоры, конечно, раньше — в течение января, а может быть, и в декабре. Переехал он туда, по-видимому, в начале февраля 1831 года. Квартира была заново отделана, приготовлена к приему молодой жены. Пять комнат, в которых жили Пушкины, находились во втором этаже: зал, гостиная, кабинет, спальня, будуар. К сожалению, почти ничего не известно об убранстве этих комнат. Сохранилось лишь свидетельство Павла Петровича Вяземского, сына Петра Андреевича, о том, как он десятилетним мальчиком присутствовал на свадьбе Пушкина. «По совершении брака в церкви, отправился вместе с Павлом Войновичем Нащокиным на квартиру поэта для встречи новобрачных с образом. В щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полочек, устроенных по обоим бокам дивана, никогда мною не виданное и не слыханное собрание стихотворений Кириши Данилова. Былины эти, напечатанные в важном формате и переданные на дивном языке, привлекали мое внимание на весь вечер», — вот и все, что сохранилось в памяти мальчика. И это все, что мы знаем об убранстве квартиры Пушкина в «Пречистенской части». Но о жизни Пушкина в доме Хитрово, вообще о московской жизни поэта в этот период известно довольно много.

Чем же жил Пушкин в эти месяцы? Что было у него на душе? Нетерпеливое ожидание счастья; лихорадочная тревога от сцен, которые устраивала ему мать невесты Наталья Ивановна; постоянная мысль о деньгах, необходимых для семейной жизни; тоскливое беспокойство перед решительным поворотом в судьбе; какая-то рассеянность — как будто светской суетой он желает заглушить мысли о будущем...

В это время Пушкин почти ничего не пишет. «... Не стихи на уме теперь», — вот его собственное признание. Он слишком потрясен надвигающейся переменой в жизни, слишком взволнован. А может быть, он просто инстинктивно стремится к отдыху после болдинского напряжения. И все-таки даже в эти дни, наполненные заботами об устройстве семьи, Дома — и в прямом и в переносном смысле — он не перестает быть литератором, историком, политиком. В его письмах очень сжато, очень целомудренно — о свадьбе, о невесте, о любви. И очень много о литературе, о журналах, о своих и чужих стихах. В воспоминаниях и дневниках людей, общавшихся с ним в это время, мы постоянно встречаем отголоски его мыслей, споров, ощущаем круг его интересов, который никак не мог ограничиться мыслями о женитьбе. Даже на «мальчишнике» — разгульной холостой пирушке накануне венчания — молодые люди, собравшиеся у Пушкина проводить приятеля в женатую жизнь, говорят вот о чем: «Там Баратынский и Вяземский толкуют о нравственной пользе», — не без иронии записывает в дневнике Погодин.

18 февраля — торжественный день. После венчания молодые едут домой, на Арбат. Там их ожидает ужин, чинный и парадный. А Пушкин — так вспоминают очевидцы — вдруг заводит речь о былинах Кириши Данилова, о «звучном народном русском языке», о собирателе песен Петре Киреевском. Наверное, родня

Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. 1849 год

И. К. Макаров. Холст, масло

невесты была очень удивлена таким «несвадебным» поворотом разговора.

Чтение товарищам своих произведений, написанных в Болдине, и доверчивое ожидание их товарищеского суда; вечера в подмосковном Остафьеве — имени Вяземского; нескончаемые споры о «Литературной газете» и «Северной пчеле», о стихах Вяземского, Федора Глинки и молодого Деларю, об итальянской октаве в русском стихосложении, о романах Загоскина. Всем этим буквально пестрят мемуарные и эпистолярные свидетельства этих месяцев.

Пушкина чрезвычайно занимали европейские события: июльская революция во Франции и польское восстание. К этим общественным катаклизмам все время возвращались мысли поэта.

В самом конце 1830 года вышел в свет «Борис Годунов» — любимое пушкинское детище. Для Пушкина это было великой радостью. Произведение, написанное в михайловском уединении, трагедия, от которой поэт ждал серьезнейших перемен для русской сцены — наконец напечатана. Пушкин был детски счастлив. Он ловил малейшие похвалы «Борису», дарил книги друзьям, хлопотал о выкупе экземпляров, боялся надеяться на успех (заранее предreshая провал) и все-таки надеялся.

Трагедия была воспринята более чем холодно. На гениальное создание обрушился шквал непонимания и насмешек. Особенно откровенно враждебны отзывы, встречающиеся в переписке современников. Ругают дружно, все — и враги и друзья, и читатели и литераторы. «...Борис Годунов его очень слаб» (Е.А. Энгельгардт). «Добро бы хоть в эти пять лет поправлял его, а то все прежнее и все не то, чего ожидать следовало» (Н.М. Языков). «... Галиматъя в шекспировском роде» (В.Ф. Каратыгин). «...Это отрывки из русской ис-

тории, а вовсе не поэтическое произведение, достойное этого имени» (В.С. Печерин). «Возвращаясь к «Борису», желаю спросить: что от него пользы белому свету?.. Я его сегодня перечел в третий раз — и уже многое пропускал, а кончил, да подумал: 0 (т.е. нуль)» (П.А. Катенин).

В журнальных статьях интонации более сдержанные. Есть несколько хвалебных рецензий; но они до удивления пусты. Не говоря уже о цветистых комплиментах вечно восторженного князя Шаликова в «Дамском журнале», как, в сущности, поверхностны и великолепные периоды молодого Гоголя в его незаконченной статье, посвященной пушкинской трагедии: «Будто прикованный, уничтожив окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэт!.. О, как велик сей царственный страдалец! Столько блага, столько пользы, столько счастья миру — и никто не понимал его... Над головой его гремит определение...» и т.д. Во всех этих восклицаниях звучит как будто какое-то недоумение перед созданием, намного опередившим свой век, принадлежащим будущему.

А какой букет ругательных откликов — от снисходительного похлопывания по плечу в пространной статье радикала Н.А. Полевого до шутовского издевательства в газете «Северный Меркурий»: «Имея честь поздравить почтеннейшую публику с выходом сего давно ожидаемого творения, считаем обязанностию донести, что мы решаемся читать оное не иначе, как по десяти страниц на день, руководствуясь в сем случае известною пословицею: «Хорошего понемногу!...»

А анонимный автор брошюрки «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина. Разговор помещика, проезжающего из Москвы через уездный городок, и вольно практикующего в оном учителя российской словесности» написал бесхитростно, от чи-

стого сердца: «Можно ли было ожидать от Пушкина такой галиматши?»

... Внимательно всматриваясь в эти пушкинские месяцы, мы видим постоянное столкновение, переплетение самых противоположных чувств, страстей, событий. Это поистине время контрастов. И рядом с Пушкиным, самозабвенно спорящим с друзьями, радующимся выходу «Бориса Годунова», погруженным в литературную и политическую жизнь России и Европы, встает совсем другой Пушкин — затерянный в повседневной светской толчее.

Положение жениха обязывало. Приходилось «кружиться в свете», потому что в Москве, по выражению Пушкина, «живи не как хочешь — как тетки хотят». И вот — то он обедает в Английском клубе, то гуляет по Тверскому бульвару, то танцует на балу у Екатерины Алексеевны Долгоруковой, богатой московской барыни, то он в гостях у графа Потемкина на Пречистенке, то едет с визитом к Ивану Александровичу Нарышкину, посаженному отцу Натальи Николаевны, то снова на балу — у Анастасии Михайловны Щербининой, то на маскараде в Большом театре, то на блинах у Пашковых, то на масленичном катанье, то сам дает бал на арбатской квартире. Москва этой зимой веселилась напропалую. Еще не утасли последние вспышки холеры, а балы, маскарады, живые картины, спектакли, концерты, катанья и гулянья закружились лихорадочным вихрем.

Наверное, во всех этих увеселениях была для Пушкина и радость. Наверное, он был счастлив, любуясь на полудетский бальный восторг девочки, ставшей его женой. Наверное, было приятно слышать восхищенный шепот: «она прелестна», «красавица писаная», «совершенство красоты», «прелесть как хороша». И все-таки он предпочитал тишину своего кабинета или долгие разговоры с друзьями. Все-таки лучше было си-

*Рукописи и рисунки А. С. Пушкина
с портретами Натальи Пушкиной*

деть с Баратынским и читать ему только что законченные «Повести Белкина», слушая, как экспансивный Евгений Абрамович «ржет и бьется» от удовольствия. Или болтать с Нащокиным. И среди всех балов, обедов и визитов его преследовало беспокойство, мысли об утраченной независимости, о непривычной жизни вдвоем. Он любил повторять шутку Баратынского о том, что «в женихах счастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим». Необходимость постоянных столь непривычных, несвойственных ему меркантильных забот расхолаживала, замутняла жизнь, бросала тень на приближающееся счастье. Голова разламывалась от назойливых и неизбежных денежных расчетов. «Через несколько дней я женюсь: и представляю тебе хозяйственный отчет, — пишет он Плетневу около 16 февраля, — заложил я моих 200 душ, взял 38000 — и вот им распределение: 11000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым — пиши пропало. 10000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17000 на обзаведение и житие годичное».

А это — из письма Нащокину: «... взял с собою последнюю сотню... коли можешь, достань с своей стороны тысячи две». И снова Плетневу: «Деньги, деньги: вот главное, пришли мне денег».

Расходы были огромные. Наталья Ивановна устраивала скандалы Пушкину за отсутствие денег. «Пушкин ей не уступал, — пишет со слов современников первый биограф поэта П.В. Анненков, — и, когда она говорила ему, что он должен помнить, что вступает в ее семейство, отвечал: «Это дело вашей дочери, — я на ней хочу жениться, а не на вас». Подруга Натальи Николаевны Е.А. Долгорукова вспоминает: «Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны». «В самый день свадьбы она послала сказать ему, что надо еще отложить, что у нее нет денег на карету или на что-то другое. Пушкин опять послал денег.»

Свадьба беспрестанно откладывалась. Эти проволочки дали богатую пищу для светского злословия. Сплетничали по-разному: и с оттенком снисходительного сожаления, и с тонкой иронией, и с откровенно злым ехидством — но всегда с удовольствием, со вкусом. В переписке современников отразились эти возбужденные пересуды вокруг пушкинской женитьбы. Не только в самой Москве, но и в Петербурге, и в дальних своих поместьях люди, часто вовсе не знакомые с Пушкиным, умирали от любопытства, ожидания, нетерпения. «Пожалуйста, словечко <...> об свадьбе Пушкина», — пишет из имения Липицы Смоленской губернии А.С. Хомяков. «В городе опять начали поговаривать, что свадьба Пушкина расходуется; это скоро должно открыться: среда последний день, в который можно венчать <...> Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но и для него лучше бы было, кабы свадьба разошлась» — это из

П. А. Плетнев

Копия неизвестного художника конца XIX века
с оригинала Тыранова 1830-х годов. Бумага, черная акварель

письма московского великосветского сплетника А.Я. Булгакова. А вот из другого его послания: «Ну да как будет хороший муж! То-то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней». В таком же духе рассуждает бывший лицейский директор Е.А. Энгельгардт: «Пушкин собрался было жениться в Москве; к счастью для невесты, дело опять разошлось». «Жаль ее: она, верно, будет несчастлива. В нем только и было хорошего, что его стихотворческий дар, да и тот, кажется, исчезает...»

Надо сказать, что все эти слухи, предположения, сожаления продолжались и после свадьбы. Сохранилось письмо некоего Протасьева родным из Москвы: «Скажу тебе новость — Пушкин, наконец, с неделю тому назад женился на Гончаровой и на другой день, как говорят, отпустил ей следующий экспромт:

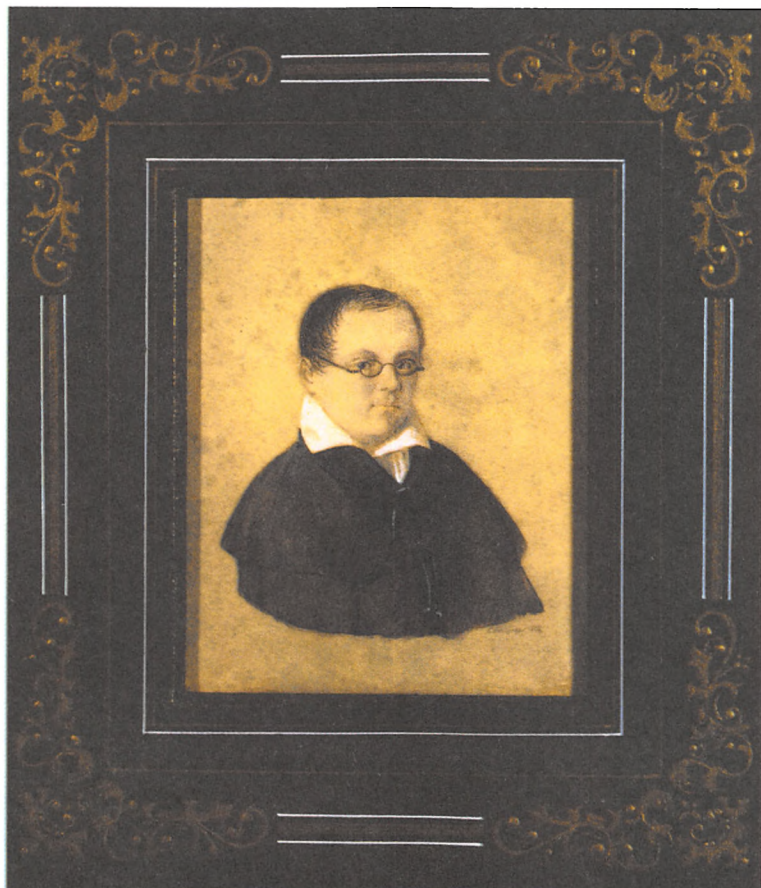
Кто хочет быть учен
Учись
Кто хочет быть спасен
Молись
Кто хочет быть в аду
Женись.

Счастливого супружества!»

Пушкин отчетливо ощущал недоброжелательные толки за своей спиной, лихорадочный интерес общества к своей частной жизни. Иногда от всего этого на него находила жестокая хандра. В такие моменты он нервничал, жаловался друзьям, ходил насупившись. В один из таких черных дней, за неделю до свадьбы, он послал откровенное письмо другу юности Н.И. Кривцову: «Женат — или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было <...> Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию. У меня сегодня spleen — прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски...»

Какое унылое письмо! Какое мучительное беспокойство и пронзительные предчувствия — за этой сухой, трезвой расчетливостью!

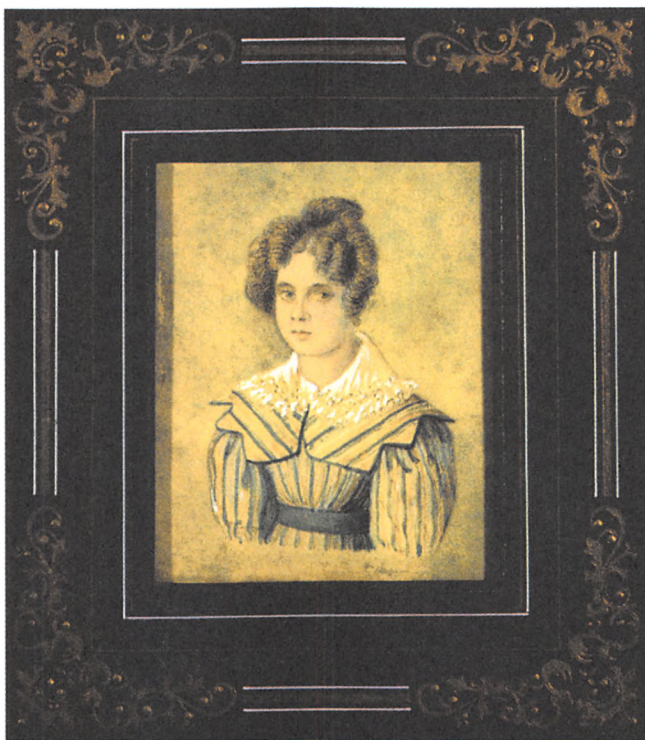
В декабре и январе в пушкинской переписке постоянно упоминается имя Дельвига — самого близко-

Антон Антонович Дельвиг. 1827 год

Акварель К. Шлезигера

го, самого нежного, самого любимого друга. Пушкин тревожился за судьбу его «Литературной газеты», с жадностью листал только что вышедший альманах его «Северные Цветы», с приятельской бесцеремонностью бранил Дельвига за издательскую лень и нерадливость. И вдруг 18 января пришло страшное известие из Петербурга: вечером 14 января Дельвиг умер... «И так в три дня явная болезнь его уничтожила. Милый мой, что ж такое жизнь?» — писал через

Софья Михайловна Дельвиг. 1827 год

Акварель К. Шлезигера

несколько часов после кончины друга Плетнев. «Грустно, тоска... — вторил ему Пушкин, — никто на свете не был мне ближе Дельвига <...> Без него мы точно осиротели.»

Гибель Дельвига зловещей тенью нависла над последним предсвадебным месяцем.

15 января в жизни Пушкина произошло событие, внешне и не очень значительное, но весьма настораживающее. Полиция сообщила ему решение Сената по делу о «соблазнительном», «служившем распространению пагубного духа» отрывке из стихотворения 1825 года «Андрей Шенье». Пушкин был избавлен от суда, но с него взяли строгую подписку, «дабы впредь

никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпустать в публику». Этот полицейский инцидент, закончившийся на этот раз весьма благополучно, был тем не менее чрезвычайно тревожен. Он еще раз жестко напоминал поэту о том, что он, по его собственному выражению, «от жандарма еще не ушел».

Между тем время бежало; до свадьбы оставалось всего два дня. 16 февраля вечером Пушкин заехал к Нащокину. Там он встретился с молоденькой цыганочкой Таней, певицей из прославленного московского хора Ильи Соколова. Много лет спустя, уже старой женщиной, Татьяна Дмитриевна Демьянова рассказала о своем знакомстве с поэтом и об этой встрече: «Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатали, и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжело, голову на руку опер, глядит на меня: «Спой мне, говорит, Таня, что-нибудь на счастье; слышала, может быть, я женюсь?» — «Как не слышать, говорю, дай вам Бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — «Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину!..» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть <...> Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору <...> И, думаячи об этом, запела я Пушкину песню, — она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру:

Ах, матушка, что так в поле пыльно?

Государыня, что так пыльно?

Кони разыгрались...

А чьи-то кони, чьи-то кони?

Кони Александра Сергеевича...

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосом то же передаю <...> Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребенок плачет <...> Кинулся к нему Павел Войнович: «Что с тобой, что с тобой, Пушкин?» — «Ах, говорит, эта песня всю мне внутрь перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!..» И не долго он после того оставался тут, уехал, ни с кем не простился».

На следующий день Пушкин созвал к себе на арбатскую квартиру человек десять-двенадцать друзей. Сюда пришли молодые веселые люди, записные столичные франты, остряки и умники: Вяземский, Нащокин, Баратынский, Денис Давыдов, Языков, Иван Васильевич Киреевский, композитор Верстовский, брат Левушка. На этом бесшабашном «мальчишнике» было весело и бестолково. Разговаривали, спорили, читали стихи, шумели, произносили тосты, провожая приятеля в женатую жизнь. Но сам Пушкин казался озабоченным и молчаливым. Его томила тревога перед резкой переменой в жизни. Он пристально, с беспокойством и надеждой вглядывался в будущее.

«На другой день, — вспоминают современники, — он был <...> очень весел, смеялся, был счастлив, любезен с друзьями...» 18 февраля в церкви Большого Вознесения, совсем неподалеку от Арбата, у Никитских ворот, состоялось венчание. По рассказам вездесущего А.Я. Булгакова, в церковь посторонних «никого не велено было пускать, и полиция была для того у дверей».

Свадьба прошла торжественно; но одно, казалось бы, ничтожное происшествие смутило суеверную и встревоженную душу поэта. «Во время обряда, Пушкин, задев нечаянно за аналой, уронил крест; говорят, при обмене колец одно из них упало на пол <...> Поэт

Денис Васильевич Давыдов. 1819 год

Акварель В. П. Лангера

изменился в лице и тут же шепнул одному из присутствующих: «*tous les mauvais augures*» (все плохие предзнаменования).

После венчания в арбатском доме был устроен торжественный ужин. А через десять дней, 27 февраля, Пушкины дали для самого близкого круга свой первый бал, на котором было очень весело, свободно, уютно — по-домашнему, по-московски. И снова свидетельствует Булгаков: «Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай Бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцевали <...> Ужин был славный; всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство».

Гости начали разъезжаться около трех часов ночи, спускались вниз по лестнице, выходили на спящий заснеженный Арбат, садились в кареты. «Была выюга и холод...»

... Стремительно, нервно и неровно неслись эти московские дни. И вдруг на момент остановился томительный бег. «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился». Это умиротворенное, блаженное письмо Плетневу — пожалуй, самое счастливое письмо в своей жизни — Пушкин послал через неделю после свадьбы, из арбатской квартиры.

Надо всем теперь царило радостное и непривычное чувство. У него, неустроенного, кочевого, появился Дом, семья и рядом человек, которого он очень любит: тоненькая нежная девочка с чуть косящими глазами и чистым лбом. В эти зимние и весенние дни 1831 года к Пушкину пришло то, что он считал уже невозможным для себя — и на что все-таки продолжал надеяться. То, о чем он мечтал последние годы, к чему так стремился перед женитьбой, о чем писал позднее: «Юность не имеет нужды в at home <доме>, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу — тогда удались он домой».

С детства лишенный семейного уюта, он всю жизнь тосковал о тихой и прочной домашней пристани, о надежном душевном оплоте. Теперь эта мечта, это, по выражению Анны Ахматовой, «томление по счастью» воплотилось. Поэт обрел — пусть на короткое время — приют, семью, душевный покой. Мадонна вошла в его Дом. И хотя мы знаем всю грядущую трагедию и ее страшный финал, и хотя «отдаленные седой зимы угрозы» отчетливо звучали и в эти веселые московские

дни* — все же мы благодарны судьбе за то, что на тревожном, скитальческом пути Пушкина была эта остановка, эти месяцы «светлого существования». Благодарны за то, что надо всеми письмами этого времени как эпитафия можно поставить его радостные, озорные слова из письма Плетневу: «Ах, душа моя, какую женку я себе завел!»

«Мадонна»

СОNET

*Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.*

*В простом углу моем, среди медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —*

*Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в думач,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.*

*Исполнились мои желанья. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.*

Он любил ее давно, но знал, наверное, не очень хорошо: в глубине души он — умнейший человек России —

* С горечью приходится заметить, что это радостное время уже заключает в себе — как в нераскрывшейся почке — начала, ростки всех грядущих роковых переплетений, с железной неуклонностью торопивших развязку. Злая паутина сплетен и необходимость жить в «завиетливом и душном» свете; пламенное стремление к незавиетности и тайный полицейский надзор; недоброжелательство публики и петля безденежья — все это уже завязалось в тугой, нерасторжимый узел.

Дворянское собрание. 1840-е годы

Литография О. Гедона и П. Руссея

немного робел перед восемнадцатилетней девочкой. «Но я, любя, был глуп и нем». А теперь Наталья Николаевна перестала быть отдаленной прекрасной мечтой; теперь она — свой, домашний человек, жена. А, как говаривал Пушкин, «жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат». Он стал относиться к ней менее возвышенно — и еще больше полюбил. Полюбил уже не только за прелестное, грустное и чистое лицо — но и за душу ее. «...Женка моя прелесть не по одной наружности», — пишет он Плетневу через несколько дней после свадьбы.

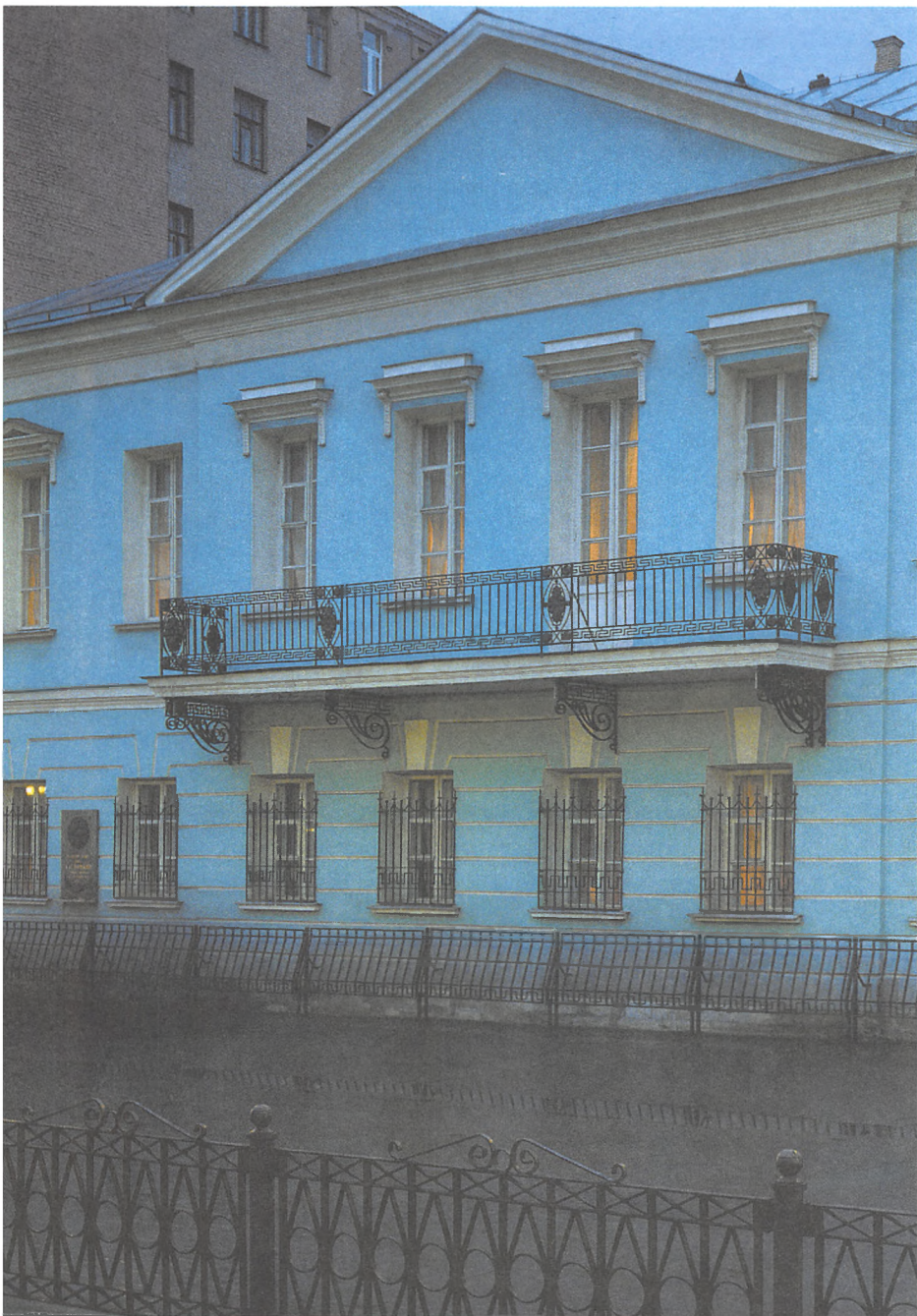
Перемена в Пушкине бросалась в глаза окружающим. О ней судили и рядили, обывательская посредственность снисходительно одобряла «остепенившегося» поэта, вступившего наконец в ряды солидных людей. «С тех пор, что он женился, — пишет Е.Е. Кашкина своей родственнице, П.А. Осиповой, — это совсем дру-

гой человек, — положительный, — рассудительный, обожающий свою жену. Она достойна этой метаморфозы, так как утверждают, что она столь же умна, как и красива, — осанка богини, с прелестным лицом; и когда я его встречаю рядом с его прекрасной супругой, он мне невольно напоминает портрет того маленького очень умного и смышленного животного, которое ты угадаешь и без того, чтобы я тебе назвала его».

Однако радость этих светлых молодых недель омрачалась тягостными взаимоотношениями с тещей, ее невозможными, нелепыми требованиями, угрожающими «семейственному покою». Жить рядом с ней становилось невыносимо, и Пушкин решил прекратить свое пребывание в Москве, уехать в Петербург. Его вдруг осенила «мысль благословенная» — нанять дачу в Царском Селе и провести свое первое семейное лето в этом милом его сердцу уголке среди юношеских воспоминаний. На переломе жизни его всегда тянуло к «родному пепелищу», к «родимой обители», к истокам, к детству. И одно за другим летят к Плетневу письма с просьбой «нанять фатерку» в Царском. Верный Плетнев исполняет эту комиссию; и вот 15 мая Пушкин покидает дом Хитрово, Арбат, Москву. Начинается будущее, неизвестность, вечный путь — «зимний» путь...

Так закончился этот короткий московский период жизни Пушкина, связанный с особняком на Арбате. И теперь, полтора столетия спустя, проходя по старой московской улице и глядя на этот дом, мы вспоминаем те месяцы, которые были прожиты здесь поэтом, — время, полное тревог, ожиданий, забот, суеты, непривычного счастья и недобрых предчувствий.

Музей «Квартира А. С. Пушкина на Арбате»

Идея в «доме Хитровой на Арбате» организовать музей Пушкина возникла давно. Выявление пушкинских страниц в судьбе этого дома — заслуга Пушкинской комиссии, созданной в 1927 году при секции «Старая Москва» Общества изучения Московской области. В подготовленном ею сборнике «Пушкин в Москве» (М., 1930) впервые сообщались сведения об арбатской квартире поэта (статья Н.П. Розанова «Пушкинские» дома, сохранившиеся в Москве до нашего времени).

Предложение об организации музея Пушкина на Арбате (в качестве филиала Литературного музея) поступило в рабочую комиссию Пушкинского юбилейного комитета при ЦИК СССР в 1935 году. Оно было напечатано в «Известиях» от 3 марта этого года. В том же номере опубликована статья крупнейшего пушкиниста М.А. Цявловского «Заметки москвича», рассказывающая об «арбатской» жизни Пушкина. «Дом Хитровой на Арбате» (ныне дом 53), — писал Цявловский, — до сих пор не только весь сохранился, но за истекшие сто с лишним лет мало изменил свой вид. Сохранилась и квартира Пушкина (во втором этаже).»

13 февраля 1936 года под председательством Цявловского состоялось первое заседание Пушкинской комиссии Московского областного бюро краеведения, по-

священное подготовке к пушкинскому столетнему юбилею. В нем приняли участие литераторы, историки Н.С. Ашукин, М.В. Нечкина, Н.П. Чулков, потомки поэта Г.А. и Г.Г. Пушкины. На заседании обсуждался вопрос об увековечении московских пушкинских мест, в частности — арбатского дома, о превращении его в музей.

В юбилейные февральские дни 1937 года на доме № 53 была установлена мемориальная доска с барельефным портретом поэта работы скульптора Е.Д. Медведевой и надписью: «В этом доме жил А.С. Пушкин с начала февраля до середины мая 1831 года».

Однако годы шли, а дом оставался все той же прозаической коммуналкой, набитой жильцами. Была в этом обидная и нелепая несправедливость. По всей стране создавались мемориальные экспозиции, посвященные поэту, а в Москве — городе, сыгравшем в его жизни колоссальную роль, мемориального пушкинского музея не было. По всем законам логики и справедливости он должен был возникнуть.

Дата 29 августа 1972 года стала этапной. В этот день Моссовет принял постановление, согласно которому дом № 53 по улице Арбат передавался Государственному музею Пушкина для создания там мемориального филиала. А 4 декабря 1974 года решением Совета Министров РСФСР дом был включен в список памятников культуры государственного значения.

Начиналось создание музея. Этапы его были чрезвычайно сложны и разнообразны. Сначала предстояли длительные отнюдь не творческие хлопоты по освобождению дома от жильцов. И лишь после этого реставраторы могли приступить к самому главному: надо было вернуть обветшавшей двухэтажной коробочке ее прежний, ампирный облик. Мы уже упоминали о многочисленных перестройках, которым подвергался дом за всю его долгую жизнь: пробивались новые

дверные проемы, залы разгораживались перегородками, переделывались лестницы, менялся облик фасада. От времени осыпалась лепнина, крошились мраморные подоконники. Задача состояла в том, чтобы уничтожить следы всех этих многолетних искажений, перестроек, разрушений.

Главным документальным основанием для восстановительных работ стали полностью сохранившиеся капитальные стены дома, а также планы владений Хитрово 1806 и 1836 годов. Особенно был важен план 1836 года — самый близкий к тем месяцам, когда жил здесь поэт.

Реставраторы проделали огромный труд по выявлению сохранившихся подлинных архитектурных деталей и по привлечению исторических аналогов. Очень интересными были поиски облика главного фасада. Одно открытие всех нас чрезвычайно взволновало (но, к сожалению, совершенно не могло помочь при реставрации): на наружных кирпичных стенах была найдена старая копоть — следы пожара 1812 года!

Долгое время считалось, что выступ в центре фасада, существующий на плане 1836 года, означает портик с четырьмя или шестью колоннами. Однако реставраторы, возражая против этого, высказали другое предположение: выступ мог обозначать балкон. Натурные исследования подтвердили эту версию.

Исследователей здания чрезвычайно интересовал вопрос: какого цвета был дом при Пушкине? Сначала предполагали, что желтого — как большинство ампирических строений. Но при натурных работах в штукатурном слое, соответствующем периоду послепожарной перестройки здания, была обнаружена краска бирюзового цвета. Так «дом Хитровой» стал нарядно голубым.

Все архитектурные детали главного фасада (фронтон, сандрики над окнами, решетка балкона, карнизы и пр.) были воссозданы по аналогам 1830-х годов.

Чрезвычайно сложной оказалась реставрация внутренней части здания. Самой, пожалуй, ясной была проблема восстановления планировки и габаритов комнат: они прослеживались довольно четко, особенно парадная анфилада второго этажа. Но реконструкция планировки — это только начало, только первые шаги. Хотя, конечно, самые важные: ведь воссоздавалось пространство пушкинской квартиры!

Затем пошли трудности, казалось бы, почти непреодолимые. Из-за многочисленных перестроек здания декор помещений почти не сохранился. Поэтому точное воспроизведение его в первоначальном виде было невозможно. И все же некоторые элементы старого архитектурного убранства дошли до нашего времени. Они и послужили отправной точкой для реставраторов.

На первом этаже обнаружилась двухстворчатая филленчатая дверь, типичная для 1820—1830-х гг. Она была использована как образец для воспроизведения всех других анфиладных дверей первого этажа.

Нашлись обломки старых изразцов и остатки печных фундаментов на первом этаже. Это позволило определить местонахождение печей в квартире Хитрово. Парадные же печи в пушкинской квартире реконструированы по точным обмерам существовавших ранее. Их облицовка белыми поливными изразцами подбиралась как можно ближе к найденным образцам.

В двух комнатах сохранились фрагменты паркета с прожилками из мореного дуба; в одной — с рисунком «елочка», в другой — с орнаментом в виде звезд. В этих помещениях паркет воспроизведен с тем же рисунком.

На втором этаже из белого искусственного мрамора на основе обнаруженных фрагментов выполнены дверные и оконные откосы. А уцелевший профильный кусок гипса помог в создании лепных карнизов.

Однако в большинстве случаев реставраторам приходилось идти по другому пути, восстанавливать зда-

ние, основываясь на тщательном изучении исторических аналогов. Именно таким образом реконструирована парадная лестница, паркет и двери на втором этаже, а также множество деталей, казалось бы, мелких и тем не менее чрезвычайно важных, без которых невозможно представить себе ампиный декор, подчеркивающих уют и «обжитость» комнат. Это латунные печные вьюшки, оконные и дверные ручки, атрибутика парадных драпировок — карнизы, держатели, позолоченные веночки и пр. И, наконец, сами драпировки — разнообразные, нигде не повторяющиеся. Торжественные — и легкие, пышные — и строгие, бархатные — и полотняные, все они созданы (именно творчески созданы, а не просто сшиты) по образцам, восходящим к пушкинской эпохе.

Таким образом восстановленный особняк Хитрово — это сложный итог сочетания «документальных исходных данных и результатов натурных исследований», как написано в реставрационном отчете, и «творческого воссоздания стилевых элементов архитектуры русского классицизма».

Огромная работа по исследованию здания и основанная на ее результатах реконструкция старого дома продолжались несколько лет. Наконец особняк был возрожден для новой жизни. 18 февраля 1986 года — в годовщину пушкинской свадьбы — в нем был открыт мемориальный музей «Квартира Пушкина на Арбате».

Экспозиция его расположена в двух этажах дома. Мы начнем нашу экскурсию по залам арбатского музея с первого, «хозяйского», этажа. Он посвящен теме «Пушкин и Москва». Здесь прослежены сложные, многообразные связи поэта со старой столицей, с ее бытом, культурой, искусством, с ее людьми.

Каменный мост. 1825 год. Фрагмент

Раскрашенная литография А. Жоли
с оригинала О. Кадоля

ПЕРВЫЙ ЗАЛ

*Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!*

«Евгений Онегин»

Водный зал нижнего этажа посвящен архитектурному облику Москвы, городскому быту первой трети XIX века.

Эмоциональным камертоном здесь могут звучать стремительные строки из «Евгения Онегина». Из неожиданных, острых, порой озорных пушкинских сопоставлений возникает образ огромного древнего города, с парадоксами его архитектуры, с вечно движущейся шумной уличной толпой:

*... вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы,
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.*

Экспозицию открывают изображения Москвы, искусно гравированные разными мастерами по оригиналам французского художника Жерара Делабарта, жившего в России с 1787 по 1810 год. Эта серия московских видов из 12 гравюр, изданная в 1799 году (в год рож-

Интерьер первого зала

дения Пушкина), стала широко известна в России и в Европе. Увлеченный «северной экзотикой», Делабарт с равным искусством передал красоты древней, складывавшейся веками архитектуры и своеобразие патриархального быта Москвы. Его пейзажи густо заселены народом. Тут и оживленный торг, и колодники, просящие подаяния, и дамы, беседующие с кавалерами, и веселые сценки народных русских забав, и едущие экипажи, возы, телеги...

Грандиозная панорама города с величественными храмами и привольно раскинувшимся Замоскворечьем открывается с балконов Кремлевского дворца. Рядом с великолепными чертогами («Пашков дом») — покосившиеся заборы, амбары, сарайчики на набережной Москвы-реки, в виду Кремля. Такова Москва пушкинского детства.

В 1826 году Пушкин увидел родной город совсем иным — и свидание это было радостным:

*Ах, братцы! Как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!*

Возрожденная из пепла, отстроившаяся после пожара 1812 года, европейски элегантная, оживленная Москва представлена в двух сериях литографий, сделанных в 1825 году французским мастером Огюстом Кадолем, работавшим в Москве в 1820-х годах. На этих нарядных листах Петровский замок (до 1998 года Военно-воздушная академия им. Н.Е. Жуковского); классически строгое здание Шереметевского странноприимного дома на Сухаревской площади (сейчас городской институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского); Александровский сад, тогда еще совсем молодой, незадолго перед тем разбитый над ушедшей под каменные своды Неглинкой.

Интересен «План столичного города Москвы» (раскрашенная гравюра А.А. Афанасьева, 1825). Карту города обрамляют 14 изображений замечательных архитектурных сооружений и ансамблей (Университет, Сухарева башня, только что отстроенный заново Большой театр и др.). Эти небольшие гравюры составили особую серию видов Москвы 1820-х годов, которые часто воспроизводились в путеводителях, в журналах и отдельными оттисками.

С Москвой 1830-х годов знакомят литографии, исполненные по оригиналам немецкого живописца Эдуарда Гертнера, жившего в России в 1837—1839 годах. Их отличает некоторая суховатость, почти петербургская сдержанная строгость и в то же время большая топографическая конкретность. Особенно красив и интересен своим необычным ракурсом «Вид на

Вид на Кремль из-под арки Каменного моста

Конец 1830-х годов
Литография А. Лебске
с оригинала И. Ф. Э. Гертнера

Кремль из-под арки Каменного моста». Лиричен лист, запечатлевший обновленную, очищенную от торговых лавок, просторную Красную площадь с памятником Минину и Пожарскому (установлен в 1818 году).

*...Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой...*

«Всеволожскому».

1819

Представить всю эту яркую пестроту московского городского быта, услышать многоголосье базаров, веселый шум народных гуляний, выкрики уличных тор-

Вид Кремлёвского строения с Каменного моста. 1799 год

Гравюра М. Эйхлера с оригинала Ж. Делабарта

говцев, французский лепет разряженных модниц и щеголеватых франтов позволяет целая галерея модных картинок из журналов 1820—1830-х годов и множество ярких, темпераментных жанровых картинок, находящихся в зале. Тут и московские харчевни, и бега, менялы и извозчики, водовозы и продавцы сбитня, трубочисты, дворники, крестьяне, лотошники.

Московский городской пейзаж представлен во всех залах экспозиции первого этажа.

Интерьер второго зала

ВТОРОЙ ЗАЛ

Москва доныне центр нашего просвещения.

«Торжество дружбы...»

Материалы II—IV залов рассказывают о многообразных глубинных связях Пушкина с культурой Москвы. «Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы,» — писал поэт, настаивая на преимуществе московского просвещения, более свободного, независимого, более оригинального по сравнению с официальной культурой Петербурга, не лишённого даже некоторой доли провинциального фрондерства. В старой столице Пушкин чувствовал себя вольнее, уютнее; здесь встречал он искреннее, заинтересованное внимание. Его трогало широкое открытое гостеприимство «старушки» Москвы.

Экспозиция второго зала весьма насыщена. Она посвящена театральной, музыкальной, художественной жизни города 1820—1830-х годов, дружеским и светским связям Пушкина с москвичами.

Особое место в духовной жизни «отставной столицы» занимал театр. В городе одновременно существовали казенная Императорская сцена и многочисленные частные, любительские, крепостные театры. Самый быт москвичей был пронизан театральностью. Маскарады, балы, гулянья, живые картины, домашнее музицирование — все превращалось в своеобразные спектакли.

С юных лет «почетный гражданин кулис», Пушкин великолепно ощущал праздник театра.

*Театр уж полон; ложи блещут;
 Партер и кресла, все кипит;
 В райке нетерпеливо плещут,
 И, взвившись, занавес шумит.*

Эту праздничную атмосферу передает одна из красивейших литографий О. Кадоля, запечатлевшая сверкающий огнями Большой театр, нарядную Театральную площадь, оживленный разъезд зрителей.

Приезжая в Москву, Пушкин не упускал возможности посетить спектакли. Недаром первое появление поэта перед московской публикой после возвращения его из ссылки связано с театром. На четвертый день после приезда из Михайловского, 12 сентября 1826 года поэт присутствовал в Большом театре на представлении комедии А.А. Шаховского «Аристофан». По воспоминаниям современника, едва Пушкин вошел в партер, «мгновенно пронесся по всему театру говор, повторявший его имя; все взоры, все внимание обратилось на него».

Роль Аристофана в спектакле исполнял любимец москвичей романтический трагик П.С. Мочалов. Пушкин был знаком с ним, как и со многими другими актерами, драматургами, театральными деятелями, композиторами, музыкантами Москвы: Д.Т. Ленским, Н.В. Лавровым, П.Н. Араповым, Е.В. Апраксиной, А.А. Алябьевым, А.Л. Гурилевым. Особенно близко сошелся Пушкин с М.С. Щепкиным. Поэт встречался с ним у П.В. Нащокина, слушал его рассказы, убеждал писать мемуары и своей рукой начал «Записки актера Щепкина».

В зале экспонируются портреты людей московской сцены — знакомцев Пушкина. Среди многочисленных театральных материалов, помещенных в экспозиции, хочется назвать те, которые представляют особую музейную ценность. Вот акварель 1810-х гг.,

Федор Федорович Кокочкин. 1810-е годы

Карикатура неизвестного художника

изображающая директора Императорских театров, всем в Москве известного Ф.Ф. Кокочкина. Художник запечатлел увлекающегося Кокочкина в комически аффектированной позе — в тот момент, когда он обучает высокому мастерству декламации молодых актрис.

Колоритным документом эпохи является напечатанная на шелке программа бенефиса актрисы М.Д. Львовой-Синецкой 14 февраля 1829 года. В этой афише отразилось все своеобразие театрального спектакля начала прошлого века: романтическая трагедия «День падения Мессалонги» сочетается здесь с водеви-

Зинаида Александровна Волконская. 1830 год

Литография П. И. Разумихина
с оригинала К. П. Брюллова

лем «Три сестры-невесты» и с заключительным «Вечером артистов» (иначе — «дивертисментом») — непрерывным цыганским пением и лихой русской пляской. Львова-Синецкая прославилась исполнением ролей в пушкинских спектаклях.

Произведения Пушкина на московской сцене — особая тема зала. В 1821 году выдающийся балетмейстер Адам Глушковский поставил балет «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника». С этого спектакля началась театральная жизнь пушкинских произведений. В Москве при жиз-

ни Пушкина было поставлено восемь спектаклей по его сюжетам. Особенным успехом пользовалась трилогия А.А. Шаховского «Керим-Гирей, Крымский хан» (переделка «Бахчисарайского фонтана»), балеты «Кавказский пленник, или Тень невесты», «Черная шаль, или Наказанная неверность». В одном из шкафов представлены портреты создателей и исполнителей пушкинских спектаклей: А.А. Шаховского, А.П. Глушковского, композитора К.А. Кавоса, актрис Н.В. Репиной и М.Д. Львовой-Синецкой.

В центре зала, над фортепьяно, висит живописный портрет певицы-любительницы Е.П. Риччи, двоюродной сестры декабриста М.С. Лунина (неизвестный художник, 1810-е гг.).

Пушкин бывал в доме Риччи у Никитских ворот, часто слушал ее и в других музыкально-литературных салонах.

Салоны — чрезвычайно характерное явление просвещенного дворянского быта в России и прежде всего — в Москве. Особенно знаменит был салон блестящей княгини Зинаиды Волконской. Преклоняясь перед многочисленными талантами и красотой этой очаровательной женщины, Пушкин посвятил ей восторженные строки:

*Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.*

Артистическая внешность княгини Зинаиды, ее величавый и в то же время несколько меланхолический, задумчивый облик запечатлен на литографии П.И. Разумихина, выполненной в 1830-х годах по оригиналу К.П. Брюллова.

Матвей Юрьевич Виельгорский. 1830-е годы

Акварель П. Ф. Соколова

В особняке З.А. Волконской на Тверской собирался весь цвет московского образованного общества. Здесь Пушкин познакомился с Адамом Мицкевичем, слушал его гениальные импровизации. В бурке на фоне гор – таким изобразил автора «Крымских сонетов» его друг, польский художник В.Ванькович, знакомый Пушкина. В зале представлена литография Курнатовского с оригинала Ваньковича.

Рядом портреты людей, которых Пушкин встречал в салоне Волконской: юного поэта Д.В. Веневитинова (акварель П.Ф. Соколова с оригинала А. Лагрене,

1827), замечательного знатока музыки Матвея Виельгорского (акварель П.Ф. Соколова, 1830-е гг.) и его брата Михаила (гравюра Т. Райта, 1833), итальянца Миньято Риччи — певца, переводчика пушкинских стихов (неизвестный художник, масло, конец 1810-х гг.).

В доме З.А. Волконской Пушкин последний раз видел М.Н. Волконскую, уезжающую в Сибирь к мужу-декабристу. Изображение Марии Волконской с сыном представлено в арбатской экспозиции офортом В. Унгера. Оригинал, по которому сделан офорт, — акварель П.Ф. Соколова 1826 года — также находится в собрании московского пушкинского музея.

В зале экспонируется множество изображений близких знакомых и сердечных друзей Пушкина, адресатов его лирики: А.Н. Раевского, В.П. Зубкова, И.Д. Лужина, М.О. Судьенко, Е.Н. Ушаковой, С.Ф. Пушкиной. Пожалуй, самым ближайшим и любимейшим из москвичей был для поэта П.В. Нащокин, человек одаренный, умный и резко, размашисто оригинальный. Приезжая в Москву, Пушкин часто останавливался у него, в письмах жене писал: «Нащокин здесь одна моя отрада»; «Любит меня один Нащокин». Портрет Нащокина представлен копией с акварели Н. Вакселя (1836). Рядом — живописное изображение прекрасной женщины с южным типом лица. Это Вера Александровна, жена Нащокина, к которой Пушкин относился с большой симпатией. Портрет, сделанный в 1830-е годы, по-видимому, художником Е.П. Житневым, идет из семьи нащокинских потомков.

Еще один из преданных друзей Пушкина — умница и остроумец С.А. Соболевский изображен на чрезвычайно редкой литографии с рисунка М.Д. Полторацкой.

Остановим внимание еще на некоторых портретах. На одной из миниатюр (по-видимому, русской работы; автор неизвестен) изображена немолодая женщина с приветливым, открытым и вместе с тем властным ли-

цом. Это М.И. Римская-Корсакова, одна из колоритнейших фигур старого московского барства, «чрезвычайно милая представительница Москвы», по выражению Пушкина. В 1820-х годах поэт был частым гостем в ее огромном гостеприимном доме у Страстного монастыря.

Блестящим австрийским миниатюристом М.М. Даффингером, очень популярным в европейских аристократических кругах в 1820—1830-е годы, создан портрет светской знакомой Пушкина М.А. Мусиной-Пушкиной, которой поэт посвятил стихотворение «Кто знает край, где небо блещет» (1828). Эта миниатюра — одна из красивейших в собрании музея.

Украшением зала является и живописный портрет работы московского художника П.З. Захарова (?), изображающий прославленную красавицу А.В. Алябьеву. В стихотворении 1830 года «К вельможе», адресованном Н.Б. Юсупову, Пушкин сравнил двух юных блистательных москвичек — «классическую» Алябьеву и «романтическую» Наталью Гончарову (тогда уже невесту поэта):

Влиянье красоты

*Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.*

Пушкина интересовала и художественная жизнь Москвы. Среди его знакомых — владельцы богатейших коллекций: князь Н.Б. Юсупов, Ф.Ф. Вигель, Ф.С. Мосолов; учредитель Московского художественного общества А.Д. Чертков. Образ Пушкина запечатлели крупнейшие московские мастера — художники В.А. Тропинин, И.Е. Вивьен, скульптор И.П. Витали.

В зале помещено несколько портретов замечательных русских живописцев, с которыми Пушкин встречался в Москве. Среди них — акварельная копия со знаменитого тропининского автопортрета, сделанная

в 1840-е годы неизвестным мастером. Любопытно, что Тропинин изобразил себя в своей мастерской на Ленивке. Именно сюда в 1827 году приходил позировать ему Пушкин. Оригинал тропининского портрета Пушкина находится в Санкт-Петербурге во Всероссийском музее А.С. Пушкина. В залах арбатского музея выставлены копии с предварительных эскизов Тропинина к пушкинскому портрету.

В последний свой приезд в Москву в мае 1836 года Пушкин знакомится и дружески сближается с прославленным автором «Последнего дня Помпеи» К.П. Брюлловым. В зале экспонируется акварельный автопортрет Брюллова, являющийся наброском для большого живописного автопортрета 1833 года. Одухотворенное изящество, тонкость черт, напряженный, пронизательный взгляд — вот что сразу поражает в этом маленьком незавершенном эскизе.

Это лишь небольшая часть портретов, выставленных во втором зале музея. Друзья и светские красавицы, музыканты и актеры, поэты и драматурги... Перед нами проходит вереница лиц, галерея уникальных иконографических памятников ушедшей, но вечно живой в нашей памяти эпохи.

Мебель во всех залах организована в небольшие уголки, островки старого быта. Каждый зал имеет свой индивидуальный образ. Интерьер второго зала (старинное фортепьяно, нарядная золотистая мебель карельской березы) воссоздает образ гостиной, московского салона. Среди обстановки — несколько драгоценных меморий: изящный наборный столик для рукоделия, принадлежавший сестрам Ушаковым, московским приятельницам Пушкина; гарнитур мебели из подмосковного имения Марьянка, где жил после возвращения из сибирской ссылки друг поэта И.И. Пущин.

Интерьер третьего зала

ТРЕТИЙ и ЧЕТВЕРТЫЙ ЗАЛЫ

Московский журнализм убьет журнализм петербургский. Московская критика с честью отличается от петербургской.

«Путешествие из Москвы
в Петербург»

Следующие два зала (III—IV), заставленные книжными шкафами, столами, диванами, креслами, напоминают библиотеку или рабочий кабинет. Экспозиция их посвящена взаимоотношениям Пушкина с московскими писателями и журналистами.

В 1820—1830-х годах Москва стала средоточием литературной жизни России. Пушкин с уважением относился к независимой, оригинальной, талантливой московской словесности. «...В Москве родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русские...» — писал он. Со многими московскими литераторами поэт был связан дружбой или узами творческого, профессионального единомыслия.

Гравюры и литографии, изображающие Е.А. Баратынского, Д.В. Веневитинова, Д.В. Давыдова, М.А. Дмитриева, М.Н. Загоскина, И.И. Лажечникова и многих других знаменитых писателей, живших в старой столице, тесно заполняют стены и простенки этих маленьких залов. Особого внимания заслуживают портреты дяди Пушкина, поэта В.Л. Пушкина (физионотрас Э. Кенеди, 1803), историка Д.Н. Бантыша-Каменского (акварель, 1830-е гг.), поэта А.Ф. Мерзлякова (миниатюра, 1800-е гг.), карикатура, изображающая редактора «Дамского журнала», сентиментального стихотворца П.И. Шаликова (акварель, 1810-е гг.).

Александр Сергеевич Пушкин

1827-1828 годы

Литография Г. А. Гиппиуса

Здесь же непривычный портрет Пушкина: редкая литография, выполненная в 1828 году немецким мастером Густавом Гиппиусом. Этот лист входит в серию «Современники» (45 изображений «государственных деятелей, писателей, чиновников и артистов, ныне живущих в России»), созданную Гиппиусом в 1820-е годы. Скульптурно четкие, сухие черты, суровое, без тени улыбки, лицо Пушкина на литографии Гиппиуса отличается от того облика, к которому мы привыкли на портретах русских художников – В.А. Тропинина, О.А. Кипренского, Н.И. Уткина. Трагтовка образа лишена возвышенного, романтического ореола, не-

сколько рассудочна и холодновата. И все же портрет, сделанный Гиппиусом с натуры, чрезвычайно значителен. Ум, воля, пронизательный взгляд — вот что увидел немецкий график в русском гении.

Основные экспонаты этих залов — книги. Они выставлены в современных стеклянных шкафах-витринах. Их конструкция органично сочетается с элементами ампирного декора. Большие прозрачные плоскости позволяют подробно рассмотреть прекрасные изделия начала XIX века: типографские обложки на цветной бумаге и бережные владельческие переплеты из кожи с золотым тиснением, нарядные титульные листы с виньетки, гравюры, шрифт.

Среди книг московских литераторов — первое и единственное прижизненное издание «Стихотворений» Д.В. Давыдова (1832), первое издание «Стихотворений» Е.А. Баратынского (1827), сочинения И.И. Дмитриева, А.И. Полежаева, М.Н. Загоскина, И.И. Лажечникова, изданные в Москве.

Только в удаленной от двора старой столице, где цензура была более снисходительна, могло появиться первое издание «Горя от ума» А.С. Грибоедова (1833) или последние произведения К.Ф. Рылеева — «Думы» и «Войнаровский» (1825), тиражи которых после казни декабристов были уничтожены.

В Москве увидели свет пять книг Пушкина: «Бахчисарайский фонтан» (1824), вторая глава «Евгения Онегина» (1826), «Цыганы» (1827) и два издания «Братьев-разбойников» (1827). Эти пять драгоценных книжек, давно уже ставших, как и все прижизненные пушкинские издания, величайшей библиографической редкостью, торжественно выделены в экспозиции третьего зала: они лежат на старом столе красного дерева под стеклянным колпаком. Этот прием повторен несколько раз: произведения Пушкина — его публика-

ции в московской периодике, автографы писем* — подчеркнуто выделены из всего потока книг, помещены отдельно на старинных столиках.

Значительное место в экспозиции занимает московская журналистика, которая с середины 1820-х до конца 1830-х годов переживала бурный расцвет. В старой столице существовали журналы самых разных направлений. В это время рядом с доживавшим свой век «Вестником Европы» (1802—1830) возникает серьезный, научный, с уклоном в немецкую философию, «Московский Вестник» (1827—1830); рассчитанный на широкий круг читателей, более демократический, завоевавший огромную популярность у подписчиков «Московский Телеграф» (1825—1834) соперничает с солидным энциклопедическим «Телескопом», имевшим приложение — газету «Молва» (1831—1836), и просвещенным «Европейцем» (1832). В Москве издавался и развлекательный, пользовавшийся особым вниманием провинциальных читательниц «Дамский журнал» (1823—1833), а также журналы «Атеней», «Галатей», газета «Московские ведомости». В начале XIX века в России появился особый тип издания — альманахи. Эти небольшие сборники новейших стихов, прозы, статей современных литераторов выходили обычно раз в год изящными маленькими книжками в красивых обложках, с гравюрами. «Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах,» — писал Пушкин. В экспозиции — лучшие московские альманахи: «Уrania», «Денница», «Радуга», «Северная Лира» и др.

Тема журналистики представлена в шести шкафах. Каждый из них является своеобразным малень-

---

* Все пушкинские автографы (а также значительная часть документов) в экспозиции даны в фотовоспроизведениях на бумаге пушкинского времени.

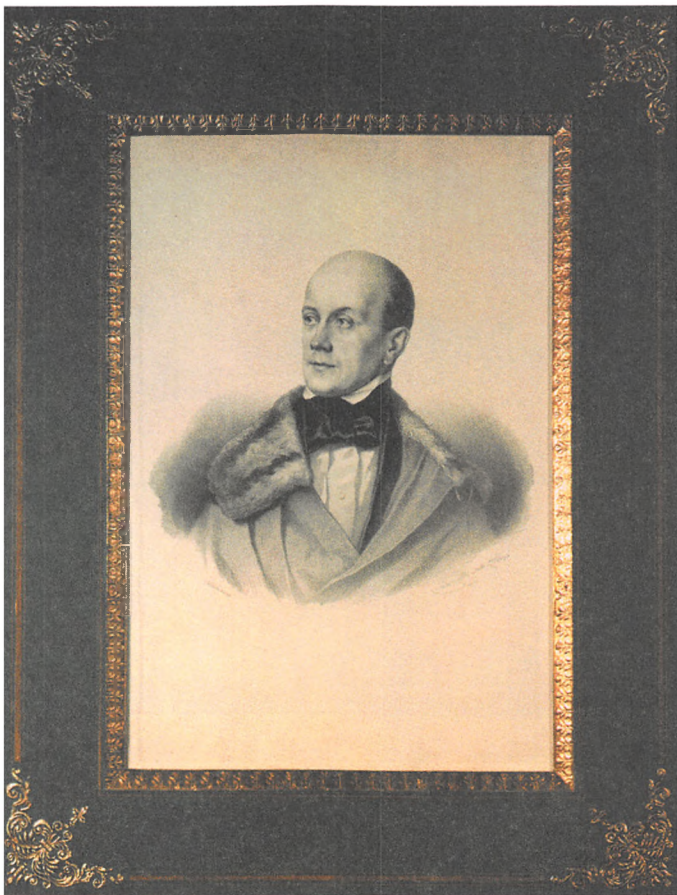

Николай Иванович Надеждин. 1830-е годы

П. З. Захаров. Холст, масло

ким музейным исследованием, посвященным тому или иному из наиболее крупных московских журналов. Здесь выставлены портреты издателей и авторов; раскрытые номера журналов дают представление о содержании издания. Особо выделены рецензии, иногда полемические, на произведения Пушкина. Строгие книжки журналов перемежаются разнообразными материалами эпохи: миниатюрами, модными картинками, чернильницами, подсвечниками.

Особый интерес вызывают подлинные цензорские билеты с сургучными печатями — разрешения на выход журнала в свет, а также документы из архива

Пётр Яковлевич Чаадаев. 1830-е годы

Литография А. М. Алофа

Московского цензурного комитета, связанные с закрытием «Европейца», «Московского Телеграфа» и «Телескопа». Уникальный экспонат — пятнадцатый номер журнала «Телескоп» за 1836 год с публикацией «Философического письма» П.Я. Чаадаева, страстного обвинения рабской российской действительности. Впоследствии статья была изъята из тиража. За эту публикацию журнал был закрыт, Чаадаев объявлен

сумасшедшим, а редактор «Телескопа» — Н.И. Надеждин — сослан.

В экспозиции, посвященной «Телескопу», — литографированный портрет В.Г. Белинского и ранние рецензии молодого критика. Пушкин приветствовал его еще незрелые, но горячие, полные молодого полемического задора статьи на страницах «Телескопа» и «Молвы»: «Он обличает талант, подающий большую надежду». Несмотря на то, что критик с юной запальчивостью несколько раз нападал на него, поэт хотел привлечь Белинского к сотрудничеству в своем журнале «Современник». Белинский навсегда с благодарностью запомнил этот пример пушкинской литературной и человеческой объективности. «Больше всего <...> — писал он позднее, — меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным».

В III—IV залах выставляются несколько интереснейших автографов: М.П. Погодина, С.Т. Аксакова, Н.А. Полевого.

Среди мебели — стол и стулья орехового дерева, принадлежавшие Н.И. Надеждину из села Нижний Белоомут Рязанской губернии, где критик родился. Вещи эти пришли в музей от его потомков. От них же — выставленный в следующем зале живописный портрет Надеждина, созданный в 1830-х годах, по-видимому, П.З. Захаровым.

Интерьер пятого зала.

ПЯТЫЙ ЗАЛ

*Издrevле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует...*

«К Языкову»

Залы (V–VIII) посвящены периоду, связанному с жизнью Пушкина в арбатском доме.

Содержание пятого зала составляют материалы, раскрывающие обширные, разносторонние интересы поэта в этот период, его литературные и дружеские связи и знакомства.

Экспозицию зала открывает литография А.О. Орловского (1822) с изображением мчащейся тройки – символ бездомного, скитальческого пути поэта, на котором состоялась эта отрадная передышка: первые месяцы женатой жизни.

Исполненный надежд на приближающееся счастье, Пушкин приехал в Москву из Болдина 5 декабря 1830 года.

Важнейшим творческим событием первых дней 1831 года стал для Пушкина долгожданный выход в свет «Бориса Годунова». В левом шкафу рядом с редким экземпляром первого издания трагедии (СПб., 1831) в подлинной типографской обложке представлены раскрытые номера «Московского Телеграфа», «Дамского журнала», «Телескопа» и других журналов с отзывами о трагедии. Поражает раздраженное, глухое непонимание публики и критики. «Все бранят Годунова» – записывает в дневнике М.П. Погодин. Только А.А. Дельвиг в «Литературной газете» поместил серьезный разбор пушкинского произведения. Тон других

критиков большей частью или снисходительно прохладный или откровенно враждебный. Особенно отличилась петербургская газета «Северный Меркурий». Ее издатель М.А. Бестужев-Рюмин вставил в свою глумливую рецензию игривый «куплетец» о Пушкине:

*Бориса Годунова
 Он выпустил в народ:
 Убогая обнова,
 Увы! На Новый Год!*

Рядом на полках — московские и петербургские журналы, альманахи, газеты, вышедшие зимой-весной 1831 года с публикациями стихотворений «Мадонна», «На холмах Грузии», «Кавказ», «Поэту».

В эти месяцы Пушкин переполнен памятью о том творческом подъеме, который он пережил только что, осенью, в Болдине. Он постоянно читает друзьям привезенные из деревни произведения. Дважды (в декабре и в январе) навещает поэт своего главного ценителя и критика, П.А. Вяземского, в его имени Остафьево.

В экспозиции — вид остафьевского особняка со стороны парка (акварель И.Е. Вивьена, 1817). Чрезвычайно драгоценны для нас мемориальные вещи из Остафьева: стулья, бюро наборного дерева. На бюро — «болдинские» автографы Пушкина: «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы», «Заклинание», «Моя родословная» — произведения, которые поэт читал другу в Остафьево, где он чувствовал себя уютно, по-домашнему.

На бюро — миниатюрный портрет жены князя Вяземского Веры Федоровны в юности. Очаровательный образ по-детски жизнерадостной, кокетливой девушки создан модным в то время художником А. Молинари. С «добрейшей княгиней Верой» Пушкин был очень дружен. Она должна была стать его посаженной матерью, но в начале февраля серьезно занемогла и не присутствовала на свадьбе поэта.

Вид усадебного дома в Остафьеве со стороны парка

1817 год

Акварель И. Е. Вивьена

Акварель Ф.А. Бруни, запечатлевшая грустный, болезненный облик восемнадцатилетней Пашеньки, дочери Вяземских, осталась незаконченной, вероятно, в связи со смертью девушки от чахотки в Италии в 1835 году.

Сын Вяземских Павел (рисунок неизвестного художника, 1840-е гг.) мальчиком присутствовал на свадьбе Пушкина и в своих воспоминаниях оставил единственное дошедшее до нас свидетельство об интерьере арбатской квартиры.

В правом шкафу — материалы, рассказывающие о круге литературных интересов поэта в это время. В письмах Пушкина и к Пушкину — постоянные упоминания о новинках словесности: о последних балладах Жуковского, о поэме Баратынского «Наложница» («чудо», по мнению Пушкина), о только что вышедшем ро-

Вера Фёдоровна Вяземская. Конец 1800-х годов

Миниатюра на кости А. Молилари

мане Вельтмана «Странник», об очередном «шедевре» Булгарина — романе «Петр Иванович Выжигин», который Пушкин, по его словам, «не станет читать, а ругать все-таки будет». Эти произведения в изданиях 1831 года можно увидеть в экспозиции.

Здесь же два интереснейших портрета. Небольшая акварель, на которой изображен Жуковский, сделана художником Е.Р. Рейтерном в 1832 году, когда поэт жил в Швейцарии, на берегу Женевского озера. Портрет передан в дар музею Б.Е. Поповой.

На другом портрете (автолитография А.Г. Венецианова, 1834) — молодой остроносый человек с хохолком и насмешливыми встревоженными глазами. В феврале 1831 года Пушкин впервые услышал эту

Полина Петровна Вяземская. 1835 год

Акварель Ф. А. Бруни

фамилию: Гоголь-Яновский. О нем восторженно написал ему из Петербурга П.А. Плетнев. Пройдет два-три месяца, и они встретятся: прославленный мастер и гениальный двадцатидвухлетний юноша — начинающий литератор Н.В. Гоголь.

В этот период внимание Пушкина приковано к политическим событиям в Европе. Известия о них поэт получает от своей давней приятельницы, дочери фельдмаршала М.И. Кутузова, Е.М. Хитрово. «Ваши письма — единственный луч, проникающий ко мне из Европы», — пишет ей Пушкин в январе 1831 года. Великолепный портрет Хитрово кисти знаменитого мастера акварели П.Ф. Соколова (1838) — дар музею от ее потомков из Италии.

Елизавета Михайловна Хитрово. 1838 год

Акварель П. Ф. Соколова

В шкафу экспонируются два номера «Литературной газеты», издаваемой Дельвигом. В № 61 за октябрь 1830 года — четверостишие французского поэта Казимира Делавиня, посвященное жертвам июльской революции во Франции. Его публикация вызвала ярость у шефа жандармов Бенкендорфа. В № 4 за январь 1831 года — «Некрология» Дельвигу. Между двумя этими номерами — меньше трех месяцев, вместивших в себя трагические события: закрытие газеты и непоправимый финал — внезапную смерть ее издателя от «гнилой горячки».

«Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная...» (Пушкин — Плетневу, 21 января 1831 года). Автограф этого письма и быстрый, точный рисунок поэта, изобразившего друга своей юности, экспонируются в зале.

Парные портреты Дельвига и его жены Софьи Михайловны сделаны с натуры летом 1827 года в Ревеле местным художником К. Шлезигером. Далекое не совершенное по исполнению, они чрезвычайно привлекательны своей непосредственностью. Художник сумел передать в рисунке поэтическую мягкость, ранимость души Дельвига в сочетании с умом и остротой взгляда. «Портрет моего мужа, — писала С.М. Дельвиг об этой акварели, — поразительно похож».

Центральный раздел экспозиции пятого зала посвящен событию, непосредственно связанному с арбатским домом — «мальчишнику», на который Пушкин пригласил самых близких друзей. Почти все они — поэты, единомышленники, тесный круг которых скреплен сердечной привязанностью.

Портреты участников «мальчишника» — на правой стене зала. Здесь Е.А. Баратынский (рисунок неизвестного художника запечатлел поэта вместе с его братом Сергеем); Н.М. Языков (рисунок Э.А. Дмитриева-Мамонова — лист из альбома доктора И.П. Постникова, сопровождавшего больного поэта во время его лечения за границей); Д.В. Давыдов, П.В. Нащокин, композитор А.Н. Верстовский, И.В. Киреевский, П.А. Вяземский.

В центре — эскиз В.А. Тропинина к портрету Пушкина (итальянский карандаш, 1827, копия). Сумрачное, печальное выражение лица поэта на этом рисунке созвучно настроению Пушкина на шумном «мальчишнике». Друзья вспоминали, что среди всеобщего веселья хозяин был грустен, встревожен, «говорил стихи, прощаясь с молодостью».

Интерьер седьмого зала.

ШЕСТОЙ ЗАЛ

Пиши мне на Арбат в дом Хитровой.

Пушкин – Н.И. Кривцову.

10 февраля 1831 г.

Материалы, собранные в этом небольшом зале, рассказывают о событии, которое в жизни поэта не было столь уж существенным, но для москвичей, чтящих память великого своего земляка, обрело символическое значение: о найме квартиры на втором этаже арбатского дома.

В зале находятся автографы писем Пушкина, где он впервые называет свой новый адрес; портреты владельцев дома – Никанора Никаноровича Хитрово (рисунок Мясоедова, 1840-е гг., копия) и его жены, красавицы Екатерины Николаевны (акварель неизвестного художника, 1832). Впервые экспонируется портрет сестры Е.Н. Хитрово – Надежды Николаевны Сафоновой (акварель неизвестного художника, 1830-г гг.), с которой Пушкин вел переговоры о найме дома.

Портреты сестер, «Памятная книга» Е.Н. Хитрово, столик для рукоделия (единственная сохранившаяся вещь из старинного интерьера арбатского дома) пришли в музей из семьи потомков Хитрово.

Привлекают внимание еще один «арбатский» экспонат: «Вид из дома нашего на улицу Арбат», акварель, сделанная в 1830—1840-х годах отставным офицером В.Н. Нечаевым (собрание Всероссийского музея А.С. Пушкина). Этот наивный дилетантский городской пейзаж очаровывает своей достоверностью.

Парижские моды. Конец 1820-х годов

Церковь св. Николая Явленного на Арбате. 1840—1850-е годы

Литография А. А. Мартынова

Одноэтажные особнячки с фронтоном и колоннами по фасаду, булыжная мостовая с вереницей столбиков коновязи, экипажи, прохожие — перед нами разворачивается жизнь улицы, увиденная глазами арбатского жителя, соседа Пушкина. Рассматривая эту акварель, понимаешь, почему современникам поэта дом Хитрово казался огромным («Это большой дом на Арбате», — твердят они): почти все арбатские строения были одноэтажными.

На стенде — чертежи дома и дворовых построек владений Хитрово 1806 и 1836 годов. Рядом воспроизведение огромного листа «Маклерской книги Пречистенской части» с договором о найме квартиры. В самом низу под подробнейшими условиями найма писарской рукой выделяется одна строчка — стремительный почерк: «К сей записке 10-го класса Александр

Парижские моды. Конец 1820-х годов

Сергеев сын Пушкин руку приложил». Ценнейший документ этот — еще одно подтверждение мемориальности арбатского дома — открыл неизвестную ранее подробность: поэт нанял квартиру «со всеми принадлежностями и мебелью по описи». К великому сожалению, опись до нас не дошла.

На стенде еще один интересный экспонат — «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» в том самом издании (М., 1818), которое было в библиотеке Пушкина. По-видимому, именно это издание видел князь Павел Вяземский в арбатской гостиной Пушкина.

Интерьер седьмого зала

СЕДЬМОЙ ЗАЛ

Я женат — и счастлив...

Пушкин — П.А. Плетневу.

24 февраля 1831 г.

Тема зала — свадьба Пушкина и Н.Н. Гончаровой. Открывает экспозицию письмо Пушкина Н.И. Кривцову от 10 февраля 1831 года. Завершает ее письмо П.А. Плетневу, написанное 24 февраля 1831 года. Между этими письмами всего две недели; но какой поразительный эмоциональный контраст! За холодной, нарочито сдержанной интонацией строк, обращенных к Кривцову, кроется печальная недоверчивость поэта к возможности счастья: «Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию». А через несколько дней в письме Плетневу — восторженное признание: «...одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь».

Экспозиция седьмого зала насыщена рукописями. Среди них — письмо родителей Пушкина к А.Н. Гончарову, деду Натальи Николаевны, написанное 20 июля 1830 года, после помолвки. Оно сочинено по классическим эпистолярным канонам: «Милостивый государь Афанасий Николаевич! Почитаю сына моего совершенно счастливым, входя в почтеннейшее семейство Ваше...» — пишет Сергей Львович. «Позвольте и мне, Милостивый государь, вместе с мужем моим, поручить себя в благосклонность Вашу», — вторит ему Надежда Осиповна.

А вот другое письмо А.Н. Гончарову – самого Пушкина от 24 февраля 1831 года. Внизу приписка полудетским старательным почерком: «Любезный дедушка! Имею счастье известить вас наконец о свадьбе моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположению». Впервые Наталья Николаевна подписывается своей новой фамилией: «... честь имею пребыть навсегда покорная внучка Наталья Пушкина».

Николай Афанасьевич Гончаров

1800-е годы

Миниатюра на кости неизвестного художника

Миниатюрные портреты Афанасия Николаевича, главы гончаровского семейства, владельца большого калужского имения Полотняный завод, и его сына Николая – отца Н.Н. Пушкиной – представлены в копиях. Оригиналы хранятся в частном собрании.

На стенде два портрета Натальи Ивановны Гончаровой, тещи Пушкина. Их разделяют двадцать лет. На акварельной копии (выполненной, предположительно, самой Натальей Ивановной) с миниатюры Руальте 1807 года она совсем юная; у нее прелестное лицо с огромными темными миндалевидными глазами. Пушкин узнал ее много лет спустя, сорокалетней женщиной, на характер и внешность которой трудные годы жизни с психически больным мужем наложили груст-

Наталья Ивановна Гончарова

После 1807 года

Акварель неизвестного художника с оригинала Вуалтье

ный и резкий отпечаток. На акварели конца 1820-х годов мы видим ее уже значительно постаревшей (хотя все еще красивой), властной, суровой, с тяжелым взглядом припухших глаз. Акварель эта находилась ранее в Полотняном заводе, где прошло детство Натальи Николаевны, где не раз бывал Пушкин.

Оттуда же ведут свое происхождение портреты Екатерины и Дмитрия Гончаровых — сестры и брата Н.Н. Пушкиной; детские портреты Александры, Дмитрия и Ивана Гончаровых (три миниатюры в общей рамке). Очень интересен восковой макет крепостного гончаровского оркестра, сделанный в конце XVIII века. В интерьере зала — мебель из Полотняного завода.

*Детские портреты Александры, Дмитрия
и Ивана Гончаровых. 1810-е годы*

Акварели неизвестного художника

С обрядом венчания связаны два любопытных документа: так называемый «Брачный обыск» (предшествующий венчанию и подписанный женихом и невестой, их родителями и «поручителями») и запись в Метрической книге церкви Большого Вознесения о совершении брака.

Свадьба была многолюдной. Среди приглашенных, в частности, были: сенатор И.А. Нарышкин, родственник Натальи Николаевны, ее посаженный отец (миниатюра неизвестного художника, 1820–1830-е гг.), князь Н.Б. Юсупов, благословлявший молодых (акварель Ф.Г. Сотникова, 1810-е гг.), начальник Московского архива Министерства иностранных дел А.Ф. Малиновский (гравюра А.А. Флорова с оригинала Ф. Попова, 1820-е гг.).

В зале нет оригинального изображения Натальи Николаевны. Единственный сохранившийся акварельный портрет ее, исполненный при жизни Пушкина А.П. Брюловым, вошел в экспозицию мемориальной пушкинской квартиры. Здесь же образ жены поэта воссоздается по-иному. Перед вами множество пушкинских рукописей: рисунков, изображающих Наталью Николаевну. Не всегда профили ее удавались Пушкину: рисовальщик он был скорее насмешливый, чем лирический. И все же есть в его автографах прелестные, влюбленные в нее изображения, иногда более достоверные и поэтичные, чем профессиональные портреты. Вот один из них. Он сделан в октябре 1833 года в Болдине. Пушкин уже полтора месяца в разлуке с женой. Он тоскует, с тревогой ждет ее писем, постоянно думает о ней. И на первом черновом листе «Медного всадника» появляется редкой красоты рисунок: резко оттененное штриховкой тонкое, печальное женское лицо с чуть косящими глазами и трагическим изломом бровей. По определению пушкиниста Т.Г. Цявловской, это — «самый выразительный,

Екатерина Николаевна Гончарова. 1820-е годы
 Акварель неизвестного художника

самый психологический и самый красивый» из всех пушкинских портретов Натальи Николаевны. Исследовательница сопоставляет его с дневниковой записью графини Д.Ф. Фикельмон, впервые увидевшей в Петербурге Н.Н. Пушкину: «... лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, — глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, — взгляд не то чтобы косящий, но неопределенный, — тонкие черты, красивые черные волосы».

Рядом с рисунками письма Пушкина к жене — пылкие, любящие, заботливые, восхищенные: «Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, — а душу твою

Наталья Николаевна Гончарова. 1831 год

Акварель А. П. Брюллова

люблю я еще более твоего лица». Можно написать сотни книг и статей, можно создать множество версий личности Натальи Николаевны, но несомненно и вечно в нашем сознании одно — строки поэта, обращенные к жене: «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив».

В зале экспонируются виды мест в Москве, связанных с первыми месяцами после женитьбы. В Большом театре (раскрашенная литография А. Дюрана, 1843) на маскараде в пользу пострадавших от холеры молодые Пушкины были 22 февраля. На Тверском бульваре (раскрашенная литография с оригинала О. Кадоля, 1825) их часто видели гуляющими.

ВОСЬМОЙ ЗАЛ

*Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.
Надолго ли?*

В последнем зале первого этажа рассказывается о московской жизни поэта после свадьбы.

Здесь экспонируется несколько портретов тех, с кем Пушкин общался зимой и весной 1831 года. Это не самые близкие ему люди; но на них лежит отблеск этих счастливых для поэта месяцев.

Вот московский генерал-губернатор Д.В. Голицын (масло с оригинала Ф.Н. Рисса, 1830-е гг.) и его жена Татьяна Васильевна (гравюра Ф.-Ж. Муна, 1840-е гг.). В их доме Наталья Николаевна Гончарова блистала в «живых картинах» еще до замужества. 22 февраля 1831 года, во время маскарада в Большом театре, Голицыны были очень внимательны к Пушкину и его юной жене.

Вот известный всей Москве А.Я. Булгаков (акварель К.А. Горбунова, 1838) — человек чрезвычайно общительный, знающий все городские новости, к тому же обладающий феноменальной эпистолярной страстью. Из его ежедневных писем к брату в Петербург мы узнаем многие подробности о жизни Пушкиных. В частности, он описывает один оживленный весенний день — 1 марта 1831 года, последний день масленицы, когда, по его выражению, «Москва тряхнула стариною, веселье за весельем...» Этот день Пушкины провели очень шумно. Собралась огромная компания — человек 40—50 — и в трех гигантских санях катались

вдоль набережных, по окрестностям Москвы. Потом приехали к Пашковым на блины; а вечер провели у Долгоруковых (все это родственники Булгакова).

В экспозицию включены портреты некоторых участников этого шумного масленичного веселья — К.А. Булгакова, графа А.А. Бобринского, Е.П. Сушковой (будущей поэтессы Ростопчиной).

Из-за ссор с Н.И. Гончаровой поэт решил ускорить свой отъезд из Москвы, не дожидаясь окончания срока, определенного договором о найме дома. 15 мая 1831 года Пушкины покинули дом Хитрово.

И вновь возникает тема дороги: прощально мелькнет на выезде из Москвы Петровский замок, а потом — постоялые дворы, придорожные деревни между Москвой и Петербургом. Снова мчатся кони, уносящие поэта на холодный, пустынный простор будущего... Пушкины едут в Петербург, а потом в Царское Село — на дачу, снятую для них Плетневым.

Вот почему экспозицию первого этажа завершают вид Крестовского острова — дачного места под Петербургом (С.Ф. Галактионов (?), масло, 1810-е гг.) и раскрашенные литографии А.Ф. Мартынова, изображающие поэтические ландшафты Царского Села.

Залы второго этажа

ВТОРОЙ ЭТАЖ

*Блажен, кто находит подругу —
тогда удались он домой.*

А. С. Пушкин

Мемориальный центр музея, его сердце — пушкинские комнаты второго этажа.

Еще раз с грустью нужно напомнить: до нас не дошло ни единого предмета из этой квартиры и, в сущности, ни одного достоверного свидетельства современников об ее интерьере (если не считать фразу Павла Вяземского, которую мы уже цитировали). Перед создателями экспозиции стояла трудная задача: построить мемориальный музей без мемориальной обстановки и при полном отсутствии ее описаний.

Было принято — непривычное, экспериментальное решение, мы обратились к воображению посетителя, к чувству поэзии, заложенному в душе каждого человека, к подлинному чувству памяти, уважения к мемориальности места. Мы не стали вносить сюда чужие, непушкинские вещи, «сочинять» квартиру Пушкина. Осталось лишь то, что было при жизни поэта: стены, проемы окон, печи, само пространство комнат. Это пространство хранит воспоминание о Пушкине. В этой пустоте как будто живет отзвук его шагов.

Комнаты второго этажа оставлены почти пустыми. Однако это не стерильная, доведенная до зрительного абсурда безликая пустота, а скорее ее возвышенный музейный образ. В просторные торжественные залы с наборным паркетом внесены немногочисленные эле-

Аванзал второго этажа

менты старого декора: нарядные тяжелые шторы, реконструированные по образцам 1830-х годов, бронзовые и хрустальные люстры, золоченые бра, канделябры, жирандолы, вазы. Это ампир, выражающий духовный идеал пушкинского времени, ампир как символ высокой поэзии, гармонии, счастья.

Лишь в первой, самой большой комнате второго этажа частично воссоздан интерьер 1830-х годов: в той парадной зале, где 17 февраля был шумно отпразднован «мальчишник», где на следующий день состоялся свадебный ужин, а 27 февраля — первый семейный прием у Пушкиных. Сюда внесена старинная мебель и портреты тех, кто приходил на арбатскую квартиру поэта.

Рассмотрим их внимательнее. Вот в тяжелой золоченой раме красивый живописный портрет И.И. Дмитриева, старейшины московских литераторов (неизвестный художник, 1810-е гг.). Дмитриев знал Пушкина еще ребенком, часто бывая в доме его родителей. Уважительные, дружелюбные отношения связывали поэтов на протяжении всей их жизни.

Вот умное, желчное лицо П.А. Вяземского (литография, 1830-е гг.); вот живая, пикантная и сердечная В.Ф. Вяземская — на акварели А. Молинари, идущей из семьи потомков Вяземских.

В.П. Лангер, художник-любитель, лицеист второго выпуска, знакомый Пушкина, изобразил прославленного поэта-партизана Дениса Давыдова (акварель, 1819 г.); вот он — «боец темнокудрявый с белым локоном на лбу», в романтическом плаще, перекинутом через плечо, с решительным, отважным взглядом.

Еще одна акварель кисти Лангера: это портрет московского литератора С.Н. Глинки, сделанный около 1820 года. Весной 1831 года Глинка посетил Пушкина в его арбатской квартире и тут же сочинил компли-

Интерьер гостиной второго этажа

ментарное послание под названием «Пушкиной и Пушкину (Экспромт, написанный в присутствии поэта)». Через две недели стихи эти появились в «Дамском журнале» с пометой «10 апреля 1831 года. В доме поэта»:

*Того не должно отлагать,
Что сердцу сладостно сказать.
Поэт! Обнявшись с красотой,
С ней слившись навсегда душою,
Живи, твори, пари, летай!..*

Почетным гостем на свадьбе и на балу у Пушкиных был блестящий вельможа екатерининского времени Н.Б. Юсупов. Его характерное живое, несколько над-

менное лицо запечатлено на красивейшей гравюре Дж. Уокера с оригинала Д. Лампи (конец XVIII в.).

На литографии А.Ф. Тернберга (1828) – крупнейший поэт пушкинской плеяды Евгений Баратынский. Такая же литография висела в кабинете Пушкина на набережной Мойки.

Н.М. Языков, П.В. Нащокин, М.П. Погодин, Л.С. Пушкин, А.Н. Верстовский – их живописные и графические изображения украшают зал. Это гостиная, в которой как бы встречаются друзья Пушкина – его современники и люди нашего времени. Поэтому здесь стоит фортепьяно, звучит музыка, пушкинские стихи. Сюда, в квартиру Пушкина, люди приходят не только на экскурсии, но и на поэтические и музыкальные вечера.

Идем дальше по торжественной анфиладе пушкинских комнат. В каждой из них лишь по два-три экспоната, но это – драгоценнейшие реликвии. В центральном зале – символ пушкинского творчества – подлинная конторка поэта (собрание Всероссийского музея А.С. Пушкина). Над ней маленькая копия маслом с портрета Пушкина работы В.А. Тропинина, выполненная в 1827 году хорошей знакомой поэта А.П. Елагиной. На обороте имеется следующая запись: «Уменьшенная копия с портрета, заказанного Тропинину А.С. Пушкиным, <...> Копия сделана Авдотьей Петровною Елагиной по случаю отъезда Соболевского в чужие края. Соболевский». Видимо, уезжая за границу, С.А. Соболевский хотел иметь с собой изображение Пушкина – ближайшего своего друга.

На конторке – автограф стихотворения «Осень».

В следующем зале – нарядный туалетный столик Натальи Николаевны, находившийся когда-то в имении Гончаровых Полотняный завод. Возле него две акварели. В камерном портрете Пушкина работы П.Ф. Соколова (1836 г., копия) есть прелесть домаш-

Интерьер гостиной второго этажа

него, интимного изображения. В то же время акварель Соколова поражает глубиной и тонкостью психологической характеристики. Художник великолепно передал внутреннее утонченное изящество Пушкина, сочетание небрежной артистической легкости и аристократической сдержанности.

Рядом с соколовским Пушкиным акварель А.П. Брюллова (1831—1832) — единственное изображение Натальи Николаевны в те годы, когда она была женой поэта (копия работы П.Д. Корина). Рядом — ее живописный портрет, сделанный И.К. Макаровым уже много лет спустя после гибели поэта — в 1849 году. Наталья Николаевна писала о нем: «Это один из лучших моих портретов <...> я нахожу, что я изображена такой красивой женщиной, что мне даже совест-

но согласиться, что портрет похож...» При взгляде на полотно Макарова вспоминаются слова графини Д.Ф. Фикельмон о жене поэта: «...В ее лице есть что-то кроткое и утонченное <...> Это — образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием творца».

Возле портретов Пушкина и Натальи Николаевны — автографы писем поэта, написанных в феврале 1831 года, и стихотворения «Мадонна», посвященного невесте.

Из парадной анфилады просторных залов с высокими потолками мы попадаем в маленькие комнаты, выходящие окнами во двор. В первой из них экспонируется один из наиболее обаятельных образов поэта — миниатюра, выполненная художником И.Е. Вивьеном в Москве в 1826 году, вскоре после возвращения Пушкина из ссылки. Вивьену удалось запечатлеть душевную мягкость, искренность, открытое, почти детское простодушие молодого Пушкина.

В следующей комнате — являющаяся большой редкостью литография, созданная в 1830 году в известной петербургской мастерской А. Сандомури по оригиналу Кипренского.

Завершает экспозицию второго этажа гравюра Н.И. Уткина, сделанная в 1827 году также с оригинала Кипренского (демонстрируется пробный оттиск красной краской). По свидетельству отца поэта и лицейских друзей, это наиболее похожее изображение Пушкина. Рядом — автограф второй главы «Евгения Онегина» — пророческие строки о бессмертии:

И, сохраненная судьбой,

Быть может, в Лете не потонет

Строфа, слагаемая мной...

...Оживленно, шумно и торопливо бежит жизнь Арбата. Но есть на этой обновленной пестрой улице духов-

Конторка А. С. Пушкина

ный центр, «теплая точка» — бирюзовый дом с балкончиком и узорной решеткой. Люди входят сюда тихо, доверчиво, медленно. Под светлые, гармонические звуки моцартовской музыки идут они по торжественным залам, помнящим Пушкина, по комнатам старого дома, где звучали его голос, его смех. И перед ними день за днем проходят месяцы, прожитые здесь поэтом.

Памяти друга

Один из авторов этой книги — Светлана Тихоновна Овчинникова (1932—1998). Ее монография «Пушкин в Москве» («Советская Россия», 1984), статьи о русской литературе и культуре хорошо известны. Их отличает глубина мыслей, точность приведенных фактов, легкость увлекательного изложения. Выдающийся исследователь и писатель, Светлана Тихоновна была и в высшей степени одаренным музейным работником, экспозиционером. Многие созданные ею выставки явились событием в духовной жизни Москвы. Когда мы сегодня приходим в мемориальную квартиру Пушкина на Арбате или же открываем дверь особняка на Пречистенке, 12, чтобы увидеть новую экспозицию «Пушкин и его эпоха», или же приезжаем в пушкинский музей села Берново, то должны помнить о том, что здесь — знания, напряженный труд, душа Светланы Тихоновны. Все сделанное ею остается для читателей и почитателей Пушкина, для тех, кто хочет сохранить отечественную культуру. Те же, кто знал и любил Светлану Тихоновну, будут всегда помнить об интеллигентном, остроумном и добром человеке.

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.*

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА
Музей «Квартира А. С. Пушкина на Арбате»
ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Художник *А. М. Юликов*
Редакторы *В. А. Невская, О. Б. Авилова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смолин*

Л. Р. № 064584 от 14.05.1996 г.
Подписано в печать 10.02.99 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная для ВХИ.
Гарнитура Бодони. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,44. Тираж 15 000 экз. (II з-д.: 7501—15000 экз.).
Заказ № 373.

Издательский Дом
«ПОДКОВА»
121108, Москва, ул. Пивченкова, 3-1.

© С. Т. Овчинникова, Ф. Ш. Рысина, Г. Г. Светлова
© А. М. Юликов, макет и оформление
© Государственный музей А. С. Пушкина. 1998г.
Все права защищены

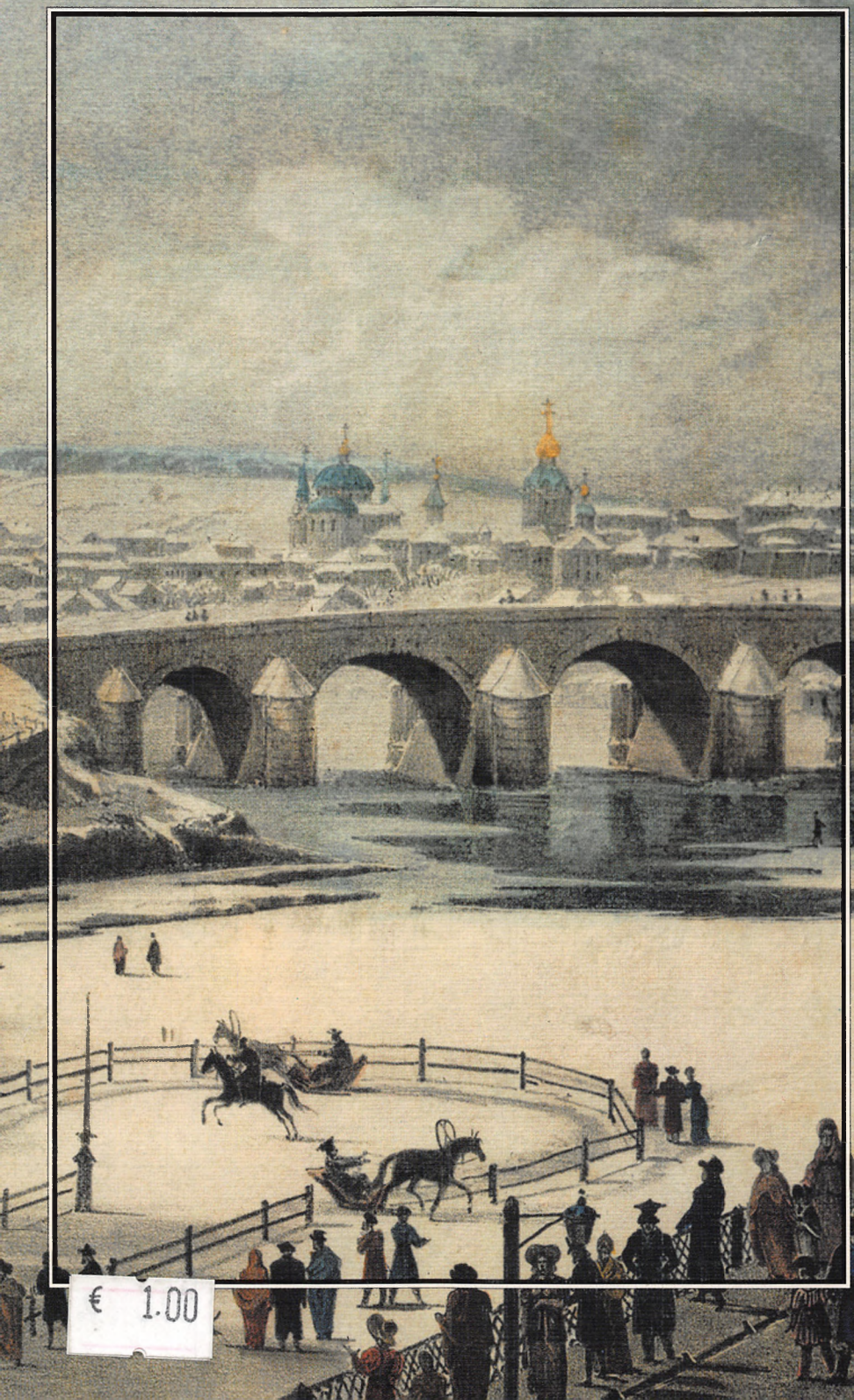

ISBN 5-89517-007-2

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ФГУИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

€ 1.00